

ВИКТОР ЗАЙЦЕВ

Боевая фантастика

ПОСЛЕДНЯЯ
БИТВА

Обратной дороги нет

Виктор Зайцев

**Дранг нах остен по-
русски. Последняя битва**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Зайцев В. В.

Дранг нах остен по-русски. Последняя битва / В. В. Зайцев —
«Издательство АСТ», 2023 — (Обратной дороги нет)

ISBN 978-5-17-151965-0

Наши современники, попавшие во времена Ивана Грозного, создали в Европе сильнейшее государство – Новороссию, вооружённое передовым оружием, с обученными по нормативам двадцать первого века бойцами. Интриги Ватикана и зависть монархов объединяют всю Европу в последней войне против Новороссии. Предательство и подкуп, шпионаж, измена, восстания и вторжение соседей грозят разрушить то новое и доброе, что создали наши современники. Вновь предстоит война против всех европейских и части азиатских стран. Удастся ли сохранить новый путь развития цивилизации, или всё рухнет обратно, в гнилое Средневековье?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-151965-0

© Зайцев В. В., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Предисловие	6
Пролог	8
Глава первая	12
Глава вторая	23
Глава третья	34
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Виктор Зайцев

Последняя битва

© Виктор Зайцев, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Предисловие

Компания туристов, двадцать человек взрослых с детьми, сплаваясь по реке Куйве, притоку Чусовой, попадают в шестнадцатый век, во времена Ивана Грозного.

Наши современники не падают духом. Инженеры и офицеры выстраивают на границе строгановских владений острог, закрепляются в нём, из руды выплавляют железо, выковывают примитивные ружья. Учитель химии получает порох, стекло. Огнестрельным оружием удаётся отбиться от набега сибирских татар из-за Урала, ещё не покорённых Ермаком.

Чтобы не попасть в кабалу, избежать обвинения в еретичестве (ведь никто не знает православных молитв и обычаев), туристы называются не русскими, а магаданцами, из далёкой страны Магадан, что на востоке Сибири.

Постепенно начинают торговать самодельными стальными ножами, топорами, наконечниками для стрел с аборигенами, добывают золото и алмазы из нетронутых в шестнадцатом веке месторождений, но известных и выработанных в двадцать первом веке. Высаживают картошку и помидоры, взятые в турпоход для еды, подсолнечник. Сражаются с сибирскими татарами, освобождают пленников, которых селят рядом с собой. За несколько лет набирают из местных жителей свою дружину, которую вооружают самодельными ружьями. Опасаясь непредсказуемого Ивана Грозного и следующих правителей Руси, не отличавшихся человеколюбием, магаданцы перебираются через Белое море в Европу.

Там внезапным нападением на королевский дворец захватывают шведского короля Юхана, принуждая того к союзу с магаданцами. Офицеры тренируют шведских солдат, вооружают ружьями, с их помощью захватывают Восточную Пруссию и Ригу. На захваченной территории основывают своё государство, называют его Западным Магаданом.

Пока союзные шведы воюют с Речью Посполитой, магаданцы развивают промышленность своего государства. Делают станки, на которых производят пушки, нарезное оружие с патронами, даже выпускают двигатели внутреннего сгорания.

В результате конфликта, спровоцированного англичанами, наши герои, пользуясь преимуществом в вооружении, захватывают королевство Англию. На оккупированных землях основывают Новороссию, русскоязычную страну, где активно строят заводы и обучают молодёжь. Осваивают побережье Северной Америки, основывают колонию в Южной Африке.

Небольшое, но сильнейшее в средневековой Европе государство, основанное нашими современниками, начинает влиять на политику, меняет историю Руси, и есть надежда, что в лучшую сторону. Так, в 1579 году, на четыре года раньше, чем в нашей истории, заканчивается Ливонская война. И совершенно с другим результатом. Русь не теряет свои земли, а оставляет завоёванные города себе, получает выход к Балтийскому морю не в восемнадцатом, а в шестнадцатом веке. Ермак на три года раньше, без потерь покоряет Сибирское ханство. С помощью магаданцев Русь захватывает и присоединяет к своим землям Крым и всё междуречье Дона и Днепра.

Иван Грозный, успешно излеченный врачом из будущего от недугов и под впечатлением успехов Руси в войнах, избавляется от вспышек гнева, проживает лишних десять лет. Его сын остаётся живым, а Русь избегает Смуты.

В ходе войны со Священной римской империей германской нации войска Новороссии захватывают север Европы, где продолжают русификацию населения с распространением православия на бывших протестантских землях.

Небольшая, отлично вооружённая и обученная армия с лёгкостью разбивает превосходящие силы противника и наводит ужас на соседние страны.

В духе политики «Дранг нах остен», но с русским акцентом, создали на территории Европы три сильнейших православных государства – Новороссию, Западный Магадан и

Южно-Польскую империю, союзниками которых стали православная Швеция и Русь, присоединившая Литовское княжество, Правобережную Украину до Дуная, вышедшая к берегам Тихого океана на полвека раньше нашей истории.

Франция раздроблена на полдюжины мелких стран, половина из которых приняла православие, Турция потеряла Палестину и Аравию, большую часть Северной Африки, захваченные Новороссией.

Наши современники сокрушили империю Великих Моголов, захватили Афганистан и Среднюю Азию, где восстанавливают православие и насаждают русский язык методами «дранг нах остен по-русски», правда, несогласных не казнят, как немцы в реальной истории, а ссылают осваивать Северную Америку, Гренландию, африканские джунгли, Скандинавское побережье Ледовитого океана.

Пролог

Голод пришёл в деревню Теребиловку уже в августе, когда под дождём сгнили все посевы. Даже грибы, выручавшие крестьян прежде, тем летом не уродились, холодная земля не давала никаких плодов. Тут ещё и звери с птицами ушли из леса, предвещая великую беду.

Заплакали бабы в избах, мрачнели исхудавшие мужики, глядя на тощую скотину и голодных деток. Народная молва доносила вести одну хуже другой, мол, по всей Руси православной идёт неурожай, будет глад великий. Картошку начали копать до срока, опасаясь, что сгниёт прямо в земле. Слава богу, картошка уродилась, несмотря на все заморозки и дожди. Правда, треть клубней оказалась гнилой, пришлось их пустить на корм скотине. Оставшегося урожая, как ни прикидывали мужики, хватало до Рождества, не больше. Приходилось выбирать одно из двух зол: резать скотину или подыхать с голоду. Хотя зарезать единственную корову или лошадь не подымалась рука ни у кого. Всё шло к подыханию с голода.

От соседей ничего хорошего ждать не приходилось: весь Мещёрский край летом 1601 года от Рождества Христова оказался на краю гибели. Ранние заморозки и двухмесячные дожди погубили урожай на тысячу вёрст округ.

Владелец земель – боярин Захарьин-Кошкин – прислал своих тиунов необычно рано, в начале сентября. Видать, боялся, что ударятся голодные людишки в бега. Слухи о неурожае по всем центральным уездам Руси до Москвы дошли ещё летом, вот и спешили бояре вымести все свои владения до зёрнышка, посылая тиунов не в ноябре, как обычно, по первому снегу, а ранней осенью, по грязи и хляби. Не ждали такого подвоха крестьяне, не успели припрятать домашнюю птицу и живность, не успели выручить на осенней ярмарке необходимый оброк. Потому боярские тиуны вымели дворы начисто, забрали куриц, свиней и коров со всей общины, зерна-то не было, а до осенней выручки деньгам у крестьян взяться неоткуда. Лишь двух коз успели спрятать от боярской дворни девчухи-пастухи. Осталась сельская община без урожая и скота, хоть волком вой, да ещё недоимки тиуны насчитали по два алтына на двор, на все двадцать три двора, что в Теребиловке было. Большая деревня до голода была, мужики даже церковь задумывали строить, чтобы селом Теребиловку сделать, да не вышло, не успели.

Хотели мужики за топоры взяться, как деды рассказывали, да куда там. С тиунами дюжина боярских холопов была, все с ружьями и саблями, конные. Старосту, что вздумал грозить холопам боярским судом царским, разложили принародно да выпороли, едва до смерти не забили. На том и кончилась крестьянская смелость.

Отлежался староста, и собрались в пустой риге мужики думать, как жить далее. Помирать сразу или правду пойти искать. Баяли многие, что молодой царь Иван Иванович бояр не шибко жалуёт. Решили послать двух ходоков в Сергиев Посад, просить защиты у государя против боярской обиды. Снарядили всем обществом Митрия Второго и Аникиту Хромого, велели просить защиты от боярина, пока всю деревню не уморили его тиуны. В Сергиевом Посаде, в ста пятидесяти верстах от Теребиловки, были ближайшие царские власти, к ним и послали селяне своих ходоков.

Месяц ждали возвращения ходоков селяне и дождались, да без результата. Еле живыми вернулись ходоки, сушими скелетами ходячими мужики смотрелись, последнюю неделю промышляли подаями. Да не подают православные более, неурожай по всем центральным уездам русским, цены на зерно и муку едва не в десять раз выросли. Не до того было царским властям, чтобы заниматься жалобами на бояр, по монастырям и боярским вотчинам заморское закупное зерно развозили. В городах хлебные склады стрельцами охраняются, на дорогах конные дозоры разбойников и татей ловят. Говорят, что давно такого неурожая не было, чтобы от Новгорода и Холмогор до Курска и Тулы поля не родили, морозами побитые и дождями зали-

тые. Хотя ходили слухи, что далеко на юге, в новых землях, зерна вольные крестьяне собрали втрое больше против обычного. Баяли, что привезут власти хлеб по зиме в Москву и в Мещёру.

– Оно, конечно, так, – после долгих разговоров и бабских причитаний решил староста. – В Москву и Тверь царские власти, конечно, зерно привезут. А нам, мужики, на царя надеяться не след. Почитай, каждые три года неурожайные лета случаются, ни разу царь не помогал, ни боярин наш.

– Тогда, батюшка, нас картошка и репа выручали, – подала голос вдова Акулина, пятый год вытягивавшая четырёх деток одна. – Ныне на картошке до весны не дотянем, надо искать промысел какой-нибудь, иначе к Рождеству всех детишек на погост отправим, да и сами до Пасхи не доживём.

Ничего не смогли придумать селяне, слишком далеко Теребиловка была от городов и проезжих трактов. Некуда идти мужикам на заработки, а ежели далеко уходить, можно и не застать свои семьи живыми по возвращении. Решило общество ждать заморозков да клюквой запастись по первому снегу и льду. Там видно будет, махнули рукой мужики, надеясь на авось. Бог даст, не все помрут от голода, может, зимой лося добудут охотники, ну или на зайцах удастся до весны дотянуть.

Бабы с детьми собирали в мещёрских болотах всё, до чего могли дотянуться, не только клюкву и бруснику, резали лыко, рвали мох, копали корни камыша и рогоза, рвали гроздья рябины и калины, ольховые шишки и липовые орешки. Всё пойдёт в дело зимой, когда занесёт вьюга избы по самую крышу. Так с привычной обречённостью готовились селяне к голодной зиме в надежде на Божью помощь и русский авось.

И впервые в жизни не только дети, но и немногочисленные старики Теребиловки узрели чудо. В ноябре, по крепкому льду, в Теребиловку добрался огромный обоз из сорока саней под охраной двадцати стрельцов. С обозом прибыли дьячок из Сергиева Посада и два важных барина, набравшие отроков на учёбу в Новороссию.

Пока бары выступали перед обществом, дьячок заверил православных, что дело сие богоугодное и самим патриархом Московским и всея Руси благословлённое. Звали бары отроков и девиц на учёбу за границу Руси, где обучат всех письму и счёту, да работе ткацкой, прядильной и прочей. Родителей успокоили, что год отроки и девицы будут учиться и четыре года работать за плату денежную, после чего смогут вернуться в родные края, коли пожелают, никакой кабалы им не будет. В том дьяк целовал крест прилюдно, подтверждая правдивость рассказов барских.

Не поверили было селяне таким обещаниям сладким, да стрельцы подсказали недотёпам, что за дармоедов родные получают запас корма почти на всю зиму. Чем не выход для всей деревни, чтобы избежать голодной смерти? А бары и дьячок слух тот подтвердили да гружёные сани показали, продуктами забитые. Для того и стрельцы обоз охраняли, чтобы никто не пограбил богатые запасы.

Увидели бабы с детьми мешки с мукой и консервы, едва в голос не заплакали от голода и обиды. Тут бары каждой семье по две консервы выдали, на пробу, одну с мясом, другую с рыбой. Вслух же объявили, что за любого отрока или девицу семья получит восемь пудов муки ржаной да два ящика консервы – мясной и рыбной. За взрослого парня или девку вдвое больше обещали. Наутро обоз поехал дальше по замёрзшим болотам, в соседнюю деревню Рябиновку, а с обозом отправились сорок две души. Тридцать шесть отроков и девиц, от восьми до двенадцати лет, пять молодых вдовиц и старик Терентий сорока трёх лет.

После обоза зима для Теребиловки пролетела незаметно, никто с голоду не умер, даже дети все выжили. Одно терзало мужиков, особенно весной, когда снег таять начал: чем сеять будут? Зерна на посев ни у кого не оставалось, всё тиуны боярские выгребли, а купить семенное зерно не у кого, да и не на что.

По последнему снегу опять пришёл обоз в деревню с теми же барами и дьячком. На сей раз никого в Новороссию не звали, но забрали с собой двух молодых с маленькими детьми, что опухать от голода начали, да оставили каждой семье по два мешка семенной картошки, садить её велели не целиком, а четвертинками, после проращивания глазков. Ну, это дело бабы сами давно знали, редко у кого больше пары ведер картошки до весны доживало. Зерна на посев баре не дали, сказали нынче не сеять, опять неурожай выйдет, дьячок крест на том положил, что сам патриарх и настоятель монастырский ныне монахам сеять рожь не велели, а токмо картошку с репой садить, да овощи разные.

Как в воду глядели баре: лето опять началось с ранних заморозков, которые повторялись каждые две недели, а к Петрову дню упал снег и не растаял. Две недели промерзала земля, за это время в деревню забрели два медведя, пытались раскопать высаженную картошку. Староста обоих застрелил из ружья, старинного, магаданского.

То ружьё беглый стрелец оставил, когда его старостин пасынок из болота спас. Тогда, ещё при царе Иване Васильевиче, бунтовать пытались стрельцы, так их разогнали мигом, кого на виселицу отправили, кого – в южные земли, ногаев покорять. Из того ружья через месяц староста ещё пятерых кабанов завалил, когда целое стадо диких свиней высаженную картошку раскопать пыталось. На том патроны и кончились, да общество мясом уже запаслось. Пришлось, правда, все картошечные поля крепкой изгородью обнести от кабанов и медведей, да ловушек на них поставить. В те ловушки ещё две свиньи попались позднее.

Мужики целыми днями рыбу ловили в окрестных речках, а вот ягод и грибов опять не уродилось, но до осени община дожила.

И снова, как в дурном сне, повторилась прошлогодняя картина. Собранной из земли картошки еле набиралось до Рождества, но скотины во дворах сейгод не осталось совсем. Немного вызрели капуста и репа, так опять набежали боярские тиуны и забрали весь урожай, да вдвое против прежнего недоимки на каждого хозяина повесили. Ладно, народ догадался половину картошки сразу в схроны убрать, только тем и выжили.

Совсем плохо стало в деревне, ни петухи не поют, ни коровы не мычат. Тишина, как на кладбище, даже голодные детки не радовали своим смехом и песнями, всё больше по болотам ходили, корни рогоза и кувшинок выкапывали. Снег осенью выпал рано, морозы землю застудили как раз в Успенский пост, в августе, значит. А реки ещё не встали, не успела остыть вода в реках.

По реке и приплыли новые баре, зато со старым дьячком, жаль, без муки и консервов. И стрельцов с ними было всего три человека оружных. Зато привезли баре каждому хозяину письма и гостинцы от детей, что год назад за границу отправили. В письмах тех, что дьячок прочитал всему сельскому сходу, писали дети про свою жизнь на чужбине, как живут в тепле и сытости, учат буквицы и цифры разные. Звали дети к себе родных, а баре подтвердили, что примут семьи на жительство, работой обеспечат, да и жильё найдётся.

Гостинцы немудрёные сразу детишки младшие съели, то пряники да леденцы были, сохранённые старшими отроками и девицами от своих обедов заморских. Ещё снимок баре отдали, где все деревенские были нарисованы как живые. Видно, что сытые, хорошо одетые, подросли немного за неполный год. Весь вечер и всю ночь плакали бабы, чесали затылки мужики, не понимая, грустить или радоваться сему.

А баре иноземные утром объявили, что заплатят недоимку за каждого хозяина, кто поедет с ними в Новороссию. Да не старосте, коему деньги сохранить тяжело будет, а самому боярину Захарыну-Кошкину. А старосте дьячок бумагу в том оставил для тиунов, дабы не лютовали.

Шесть дворов решили к детям подаваться, свои запасы обществу оставили, всё имущество раздали, ведь не вмещаются сани и телеги в лодку барскую. Поклонились друг другу одно-

сельчане, да и попрощались навсегда. Совсем плохо стало в деревне, хотя припасов добавилось: картошка от уехавших вся осталась и клюква с сушёной рыбой.

По первому льду ещё приехали иноземцы, но другие. Нанимали работников на строительство чугунок, лес рубить для просеки, прочие работы выполнять. Платить подрядились мукой и консервами, половину платы сразу привезли.

Семерых мужиков отпустил староста на эти работы, остальные в деревне остались, дабы охранять баб и детишек. Непокойно было в округе, зимой волки не боялись днём в деревню забегать, слух шёл о татях под Рябиновкой. Бог миловал, волки только двух последних коз зарезали, а тати в Теребиловку не добрались. Померли всего три человека из общины за зиму голодную.

На вербное воскресенье вернулись мужики с заработков, привезли муки и консервов, семенной ржи на посев, картошки на посадку. Хоть и нет в деревне лошадей, а сеять надо, земля за два года отдохнула, на старых полях урожай будет, решили мужики. Тут и Пасха пришла, а на неё новые гости наведались, на сей раз русские люди, наглые. От боярина Плещеева люди прибыли и принялись сманивать мужиков на юга, в новые земли русские.

Баяли, южнее Камня и на Алтае земля сплошь чернозём, пшеница сам-десять урожай даёт, травы отборные, народа мало, по двадцать и больше десятин на семью нарезают. Сам боярин на новых землях лес разрешает рубить невозбранно, три года обещал мыто не брать, зерно да коня каждому хозяину выделить. Крест целовали, что не обманут молодцы залётные, да со старостой торговались, чтобы тот отпустил людей из общины.

Долго торговались, дня три сидели-рядили, но сговорились. Отпустил староста ещё шесть хозяев на юг, за Камень, на алтайские чернозёмы. О том ряд написали, а люди боярина Плещеева всю недоимку за шесть семей старосте отдали да ещё двух коняжек степных оставили. Конями теми и подкупили старосту, не на себе хоть пахать придётся.

Едва успели попрощаться селяне, как снег и растаял. Полыхнула весна, жаркая и голодная, как всегда, перешедшая в тёплое лето, чтобы закончиться урожайной осенью. Не могли нарадоваться теребиловские мужики и бабы богатому урожаю, не помещавшемуся в закромах. Но часть урожая староста припрятал, памятуя два прошедших года. И правильно сделал, поскольку тиуны боярские нагрянули опять после Успенского поста. Да не просто нагрянули, а велели в счёт недоимки собираться на юга всей Теребиловкой, тоже на чернозёмы, только возле Чёрного моря.

Лаялись со старостой тиуны изрядно, особенно пеняли за отпущенных мужиков из общины, хоть и с погашенными недоимками. Чем только не угрожали старосте, и плетью, и боярским судом, да два голодных года отучили мужиков бояться смерти. Стало общество крепко за своего старосту, а тот смог тиунам противиться, отстоял от переселения восемь семей. Только три хозяйства согласились отправиться с боярскими тиунами на юга, за что все недоимки Теребиловке были списаны, о чём бумага выдана старосте.

Так и началась новая жизнь в деревне Теребиловке после голодных лет. Восемь дворов из двадцати трёх осталось, зато без недоимок и с родными людьми на Алтае и в Новороссии. Теперь было чем напугать боярина и его тиунов теребиловцам, коли безобразничать начинали. Мол, в любое время уедут в лучшие края, благо Юрьев день никто не отменял. А в голодные годы впредь по царёву указу разрешалось крестьянам уходить в любое время от хозяина, который своим людям не помогает, оброк не снижает, а токмо обирает, коли недоимки выплатят полностью.

Глава первая

Тропинка вилась вокруг крепких дубов, вытянувшихся к небу в стремлении захватить больше солнечного света. Прежние хозяева поместья не проводили санитарную вырубку своих лесов, скорее всего, от жадности, в результате вековые дубы были не толще сорокалетних сосен, мешая друг другу раздаться вширь. Все деревья рвались вверх, где смыкались кронами, отчего в солнечное летнее утро в дубраве царил сумрак, а земля и редкие травяные островки под ногами чавкали от сырости.

Сергей недовольно оглянулся, рассматривая свои отчётливые следы на тропинке, и свернул в сторону, туда, где ворох старых листьев позволял скрыть отпечатки обуви. Мужчина отошёл от тропинки, продолжил идти параллельно ей, внимательно глядел вперёд, опасаясь капканов и ловушек. К счастью, на эту встречу безопасник оделся в стиле старой аристократии, избегавшей новомодной обуви, потому следы его кожаных сапог не отличались от редких отпечатков обуви на тропинке.

Да и одежда Кожина, слегка поношенный кафтан и выдавшие виды порты, вкуче со шляпой моды двадцатилетней давности, никак не выделялась среди провинциальных дворянских одеяний. Годы странствий по Ближнему Востоку приучили Сергея к тщательному подбору своей одежды и обуви, от которого зависела жизнь разведчика. Потому даже сейчас в Петербурге в квартире и в служебном кабинете безопасника всегда имелся выбор разнообразной одежды и обуви, несмотря на уже официальную работу в контрразведке.

Меньше года прошло, как вернулся новороссийский разведчик из длительной командировки на Восток. Тогда, три года назад, покидая Персию, он не предполагал, что придётся задержаться ещё на два года, уже в Туркмении и Афганистане. Там опытному разведчику пришлось осваивать новую для себя специфику работы безопасника – контрразведку. После стремительного захвата русами последних владений Великих Моголов и выхода на южные границы Руси недобитые отряды покойного шаха Акбара не сразу поняли бесполезность сопротивления. К ним примкнули особо непонятливые местные ханы, отчаянно цеплявшиеся за отобранную власть.

Два года вылавливал в горах Гиндукуша и Копетдага молодой поручик остатки армии Великих Моголов, превратившиеся в обыкновенных разбойников. Заработал лёгкое ранение в руку и уважительное прозвище Геок-Барс (зелёный барс) за зелёную чалму, положенную правоверному, совершившему хадж, и стремительные переходы по горам и пустыне. Хадж Сергей действительно совершил ещё во время практики, когда изучал особенности поведения и образа жизни жителей Аравии.

Конечно, полностью извести разбойников за два года не получилось, однако организованная оппозиция и крупные банды в Афганистане и Туркмении были уничтожены. Здорово помогли в этом греческие монахи-миссионеры, активно крестившие лояльных аборигенов. Помнится, Кожин был весьма удивлён, когда впервые в дальнем туркменском ауле, далеко в горах, нашёл заброшенную православную часовенку с сохранившимися фресками на стенах.

Позднее такие находки уже не удивляли безопасника, а служили дополнительным аргументом греческим миссионерам для крещения народа в православие как возвращение к истокам веры предков. Простой народ, переживший за последние века зороастризм, православие, мусульманство, философски относился к крещению. Кожин частенько обсуждал с греческими миссионерами то равнодушие, с каким афганцы, туркмены, узбеки и таджики принимали возврат к христианству.

По здравому размышлению даже опытные греки порой приходили к выводу, что в душе большинство новоявленной паствы остаются язычниками, придерживаясь веры в многочисленных местных богов и духов. Благо во многих селениях еще оставались живы потомки

шаманских родов, тщательно укрываемые соседями от мусульманских активистов. Теперь с таким же тщанием православные неофиты прятали своих шаманов от новороссийской власти.

Впрочем, преследовать потомков древних колдунов никто не собирался, так как ещё в Петербурге было принято решение о сохранении всех древних суеверий, да и поиск нетрадиционных методов лечения по линии Института артефактов никто не отменял. Так что даже миссионерам пришлось смириться с равнодушием своих подопечных, надеясь воспитать в истинной вере хотя бы их детей и внуков.

В результате к середине 7110 года от сотворения мира (1602 г. от Р. Х.), когда лояльные жители Афганистана и Туркмении были крещены на две трети, а выжившие диссиденты со своими семьями отправились строить дороги или целыми кланами добывать руду в горах под усиленным конвоем, естественно, начальство отозвало поручика Кожина и его группу на Остров.

Сергей после отпуска прошёл трёхмесячные курсы повышения квалификации, где не столько изучал новую технику и оружие, сколько сам читал лекции преподавателям и курсантам по особенностям работы на Востоке. После чего Кожина откомандировали в контрразведку, а его протеже – молодые туркмены и персы – остались проходить полный курс двухгодичного офицерского училища в пригороде Петербурга.

Специалист-нелегал быстро втянулся в новую работу, благо всегда мог мысленно встать на место своих врагов, имея опыт разведчика-диверсанта. Именно с подачи Кожина безопасности стали тщательно проверять заброшенные поместья и замки, где доживали свой век английские дворяне, не пошедшие на службу новой власти.

Сам Сергей начал бы работу по созданию сопротивления власти русов именно с дальних замков, вдали от чугушки и проезжих трактов. Потому и прислушались руководители контрразведки к его мнению, что поручик отлично справился с разведывательно-подпольной деятельностью в Персии. Налаженные Кожиним поставки оружия огнепоклонникам, их обучение основам партизанской войны и создание разведывательной сети дали свой результат.

В конце 7110 года (1602 г. от Р. Х.) Персия запылала огнём восстаний против власти шаха Аббаса, в которых костяком вооружённых отрядов стали последователи Заратуштры. Кожину и его коллегам удалось убедить огнепоклонников, что простые мусульмане могут стать союзниками в борьбе против династии Сефевидов, поэтому восставшие не поднимали лозунг изгнания ислама из страны, а требовали равноправия всех религий. Для Средневековья такая постановка вопроса уже была революционной и позволила за первые месяцы добиться неплохих результатов, освободив от власти шаха три четверти территории Персии. Благо только у огнепоклонников имелись русские ружья, скорострельные и дальнобойные.

Тут и наступило у разрозненных отрядов огнепоклонников головокружение от первых успехов, восстание распалось на вялотекущие местечковые сражения, где выясняли отношения давнишние враги, не сильно интересовавшиеся общей политикой государства. Напуганный шах Аббас, в отчаянии искавший себе помощи у недавних врагов – турок, воспрянул духом при виде нерешительности руководителей восстания. Оставшиеся верными войска собрались под стягом персидского шаха, с переменным успехом возвращали контроль над некоторыми областями страны, объятай пламенем гражданской войны.

Конечно, активное вмешательство даже одного полка русской мотопехоты легко позволило бы последователям Заратуштры добиться полного успеха. Но власть, усевшаяся на трон на чужих штыках, долго не продержится, эту историческую истину магаданцы, их дети и внуки усвоили крепко. Ни один рус не принял участия в персидских разборках, даже в качестве инструктора. Разве что усилилась вербовка художников, учёных, медиков на выезд за пределы Персии, хотя бы в русскую Северную Индию, где не только спокойно, в отличие от соседней страны, но и есть возможность работать без оглядки на религиозные ограничения.

Да, выстраивались новые торговые связи между Индией, Китаем и Европой в обход воюющей Персии. Учитывая, что Средняя Азия была в руках русов, за считанные месяцы сухопутные торговые караваны с востока на запад развернулись на север, через Афганистан и Туркмению.

Русы не жалели взрывчатки, прокладывая удобные широкие дороги через горы, которые тщательно охраняли, и брали пошлину лишь на своих границах. Новые караванные пути из Азии в Европу оказались выгодней для купцов, нежели привычные узкие караванные тропы через Персию, объятую пламенем гражданской войны. Торговцы экономили на персидских сборах, добираясь из новороссийской Северной Индии сразу в Турцию или Русь, изрядно разбогатевшую за последние десятилетия. Ещё более выгодным оказался морской путь из Индии в Европу, проходивший полностью по землям Новороссии.

Купеческие корабли доставляли пряности, шёлк, миткаль, хлопковые ткани, ковры, самоцветы из Индии, Китая и прочих восточных стран, через Красное море в Суэц. Морские пути на всём протяжении от Бенгалии до Египта русы поставили под контроль своих локаторов и скоростных катеров, за три года снизили поголовье пиратов в этих водах до минимума. Это была не забота о купцах, а необходимость обезопасить внутренние перевозки Новороссии на Восток и в Австралию, поэтому средств не жалели.

Так вот, из Суэца восточные товары по чугунке за сутки попадали в порты Средиземного моря, откуда были открыты все пути в любые страны Европы. Купцы экономили такие огромные суммы на пошлинах и недели пути, что небольшая плата на чугунку выглядела оправданной. А Персия и Турция теряли заметную долю своего бюджета, так как две трети торговли со странами Леванта за последние годы перешли в руки Новороссии. Поэтому петербургские министры, как и новый наместник Никита Седов, стремились увеличить русское присутствие на Востоке, от Палестины до Бенгалии. Не забывая при этом про работу внутри страны, особенно по выявлению возможных заговоров и восстаний.

Опыт Сергея Кожина пришелся к месту. Кстати, именно его идея проверки дальних замков и поместий позволила выявить первые признаки заговора. Сейчас поручик шёл на встречу со своим человеком в окружении барона Шеффилда, практически возглавившего заговор против русов. Учитывая предыдущие сообщения человека и дополнительную информацию из других источников, встреча обещала быть весьма результативной. Таких людей любой оперативник должен беречь как зеницу ока, тем более что Кожин сам бывший нелегал и отлично понимал всю опасность работы своего информатора. Вот и приходилось последние пять вёрст до условленного места встречи Кожину добираться пешком, максимально скрывая свои следы.

Дубрава через полчаса закончилась, поручик остановился на опушке, укрывшись от постороннего взгляда за кустом орешника. Десять минут ушли на внимательное изучение открывшейся пустоши, укромные места пришлось разглядывать в бинокль. Ничего подозрительного Кожин не заметил, однако на сердце появилась необъяснимая тревога, а наставники всегда советовали прислушиваться к подобным чувствам.

Поручик прошёл пару вёрст за деревьями вдоль опушки леса, чтобы затаиться недалеко от условленного места встречи. Оставалось ждать, когда информатор сможет сюда прийти из замка Шеффилд, мрачный силуэт которого возвышался на дальнем холме, в паре вёрст к северу.

Кожин умел ждать, на Востоке приходилось ожидать сутками и неделями, не теряя при этом присутствия духа и уверенности в своих действиях. Время шло, солнце неторопливо перевалило за полдень, заканчивалось контрольное время встречи. Сергей начал беспокоиться, внимательно рассматривая в бинокль все подозрительные участки в радиусе километра. Наконец на фоне зарослей шиповника мелькнул знакомый силуэт, чтобы тут же скрыться в высокой траве вдоль опушки леса.

Поручик не спешил навстречу своему контакту, выждал достаточное время, чтобы убедиться в отсутствии слежки, и только тогда спустился в лог. Анна уже ждала его, покрасневшая от быстрой ходьбы и волнения, высокая грудь поднималась частыми вздохами.

– Здравствуй, Анна, – вежливо поклонился Кожин, при этом внимательно оценивая внешний вид и поведение своего информатора.

Взгляд искал любые возможные ссадины и синяки на руках и на лице женщины, небрежность в одежде, способные появиться после побоев или попыток задержания. Нет, кисти рук чистые, лицо свежее, одежда в порядке, признаков разоблачения, пыток, излишнего волнения не видно. Можно работать.

– Чем порадуешь сегодня, красавица?

– Два дня назад к барону привезли два воза оружия, но выгрузили его не в замке, как всегда, а почему-то отвезли в сторожку лесника, того самого, Артура, на речке Солянке. Привозил не Еремей Сивый, как обычно, а новый мужчина, симпатичный, молодой, на дворянина походит. Назвался Майклом, наглый весь из себя, думаю, врёт.

– Какое оружие, сколько?

– Ружья, по восемь ящиков на каждом возу, слышала, как барон радовался, мол, раскатают русов их же оружием. Ещё приезжал вчера посланник с важным письмом для барона, сегодня утром уехал по Елисейской дороге верхом на соловой кобыле. Молодой, лет тридцать, волосы чёрные, высокий, в синем кафтане, точно видно, что дворянин. Всё хватался за левый бок, где обычно шпагу носят дворяне.

– Спешил?

– Нет, потрусил не спеша, думаю, до Дубова не раньше вечера доберётся. Ещё я посчитала всех, как вы просили, сколько человек барон под ружьё собирается поставить из наших. Вернее, сам барон оговорился, что девяносто семь пеших стрелков набирается, да три десятка вооружённых всадников.

– Не упоминал, когда начнут выступление?

– Нет, ничего не слышала, я же всё больше на кухне. Хотя управляющий велел к субботе подготовить все консервы, вяленые окорока, три мешка сухарей засушить и две телеги свежего хлеба напечь. Где послезавтра буду опару ставить на такую прорву выпечки, ума не приложу.

– Понятно.

Поручик ещё раз попросил повторить всё сказанное женщиной, задал несколько наводящих вопросов. Убедившись, что всю информацию понял правильно, обсудил бытовые вопросы Анны, служившей кухаркой в замке, посочувствовал её трудному положению. Подбодрил женщину предстоящим окончанием её службы в замке и переездом в Синеград вместе с детьми и больным отцом. Сергей считал, что она станет одним из лучших его людей, и строил далеко идущие планы на дальнейшую работу с Анной.

Неожиданно краем глаза контрразведчик заметил движение в кустарнике, в сотне метров от места встречи, как раз за спиной женщины. Оперативник мягким движением подхватил Анну под руку и отвёл женщину за ближайшее дерево, скрываясь вместе с ней от появившихся наблюдателей.

Да, присмотревшись, поручик увидел четверых мужчин, уверенно двигавшихся по следам Анны. Все преследователи были одеты в камзолы цвета баронства Шеффилдов, двое держали в руках новенькие ружья, блестящие свежей смазкой на стволах. Мужчины, не скрываясь, направились через поляну к месту встречи Сергея и Анны.

«Слишком уверенно они идут», – подумал поручик, сжимая в руке привычный револьвер.

– Быстро уходим, Анна, – подтолкнул оцепеневшую женщину в глубину леса контрразведчик, отступая за ней.

Через пару шагов оба перешли на бег, стараясь не показываться преследователям на глаза из-за стволов деревьев. Но почти сразу Кожин краем глаза заметил группу мужчин справа, а через пару секунд оттуда раздался радостный крик: вторая группа преследователей заметила беглецов.

Выбора не осталось: уйти от десятка мужчин женщина в длинном платье не сможет, особенно в лесу, где каждый куст считал своим долгом задержать беглянку своими ветвями. Придётся принимать бой, понял поручик, направляя девушку немного левее, чтобы преследователи из второй группы не смогли стрелять.

– Анна, надо пробежать до того лога, – махнул рукой в нужном направлении Сергей. – Сможешь?

– Да, – выдохнула на бегу женщина, задирая свой подол почти до пояса.

Мужчина едва не споткнулся, увидев белоснежные ягодицы своего информатора: бельё в Новороссии до сих пор носили исключительно горожане да немногие лояльные правительству дворяне.

– Хороша, чертовка! – Как настоящий мужчина и офицер, не смог не отреагировать на открывшееся зрелище поручик.

Пока сумбурные пошлые мысли мелькали в голове, беглецы пробежали намеченное расстояние и укрылись в длинной узкой ложбине. Встряхнув головой, Кожин помог девушке выбраться по крутому склону наверх, не упустив возможности подтолкнуть девушку в обнажённые ягодицы. Та даже не обратила внимания на вольности офицера: предстоящие пытки в случае поимки её слугами барона были слишком близки и ощутимы.

– Беги к дороге на Малиновку, там у отворота на мельницу стоит моя машина. Я догоню тебя, жди. Под передним сиденьем спрятано ружьё. – Успел звонко шлёпнуть на прощанье Кожин по упругой попке своего агента, прячась за кустами на краю оврага.

Поручик развернулся лицом к преследователям, выбросив из головы все глупые мысли. Укрывшись за стволом липы, он пытался выровнять дыхание, привычным движением накручивая глушитель на ствол револьвера. Десятка секунд, отделявших его от преследователей, вполне хватило, чтобы прийти в боевую готовность.

Сергей улёгся на землю, осторожно выглядывая из-за ствола дерева. Пятеро ближайших преследователей спускались в овраг, не предпринимая попытки подстраховаться от возможного нападения. Их шумное дыхание и треск сломанных веток говорили сами за себя.

Укрывшегося поручика никто из них не видел. Баронским слугам отбило всю осторожность коричневое платье Анны, мелькавшее вдали за деревьями. Или, что более вероятно, её белоснежные ноги, светившие в лесном сумраке ярче красной тряпки на корриде. Этих загонщиков офицер уже не опасался, а вот четверо других преследователей, с двумя ружьями, неторопливо трусивших в сотне метров позади, выглядели несравнимо опасней.

– Хрен с ними... – И поручик развернулся назад, выжидая появления передовой группы преследователей.

Те с хрипением и руганью выбирались из лощины, не дожидаясь друг друга. Явно увидели белеющий задок поварихи и потеряли осторожность, забыв о её спутнике. Слишком уж аппетитно мелькала вдали попка бегущей Анны, даже полускрытая яркой зеленью дубравы.

Едва не высунув языки от вожделения, баронские слуги рванули за беглянкой. Похоть начисто отбила им мозги, никто не подумал поинтересоваться судьбой спутника Анны. А поручик, пропустив всех пятерых, аккуратно начал стрелять. Благо в шуме погони и в азарте сексуального предчувствия у всех баронских слуг напрочь вынесло мозги и осторожность.

Хрипя и ругаясь, они вылезли из неглубокого оврага, чтобы тут же броситься вдогонку за женщиной, ни разу не взглянув по сторонам. Выстрелов в свои спины прихвостни Шеффилда не слышали, только последний из них успел обернуться, чтобы затем тут же растянуться на земле от ударов последних пуль.

Бум, бум, бум, – глухо били выстрелы через глушитель по головам и спинам преследователей, начиная с последнего, ближайшего.

Трудно промахнуться на расстоянии десятка-другого шагов. А барон явно не тренировал своих слуг в беге на длинные дистанции, мужики пыхтели и сопели, еле двигаясь после преодоления оврага. Не прошло и пяти секунд, как все подручные барона лежали на земле без признаков жизни.

«Мастерство не пропьёшь, как говорил отец», – мелькнула несвоевременная мысль у Кожина.

Добрых десять лет регулярных еженедельных стрельб и два года частых перестрелок в горах Туркестана сделали своё дело. Сергей Кожин давно чувствовал оружие продолжением руки, а стрельбе по-македонски обучал его сам отец. На этом фоне расстрел пятерых неуклюжих загонщиков, тем более в спину, оказался сродни третьему стандартному упражнению – «стрельба по нескольким мишеням на скорость».

Застрелив последнего, поручик прикинул, что и без его помощи Анна имела все шансы скрыться. Но гром выстрела из карабина, раздавшийся позади, заставил его пригнуться и кувырком уйти в сторону. Это вторая группа преследователей добралась до противоположного края длинного оврага, протянувшегося на пару сотен метров. Двое мужчин с ходу бросились в овраг, а ещё пара, вооружённая карабинами, открыла огонь.

Тух! – Второй выстрел взбил листву в пяти шагах от поручика.

Кожин переполз по-пластунски ещё левее, развернувшись к оврагу лицом. Там два баронских подручных стояли на противоположном краю оврага с оружием на изготовку, высматривая цель. А другие двое яростно ломались через овраг, явственно намекая Сергею, что время на раздумье ограничено.

Мужчина повернулся на спину, перезаряжая револьвер, нескольких секунд хватило, пока преследователи перебирались через овраг. Краем глаза Сергей контролировал выход из оврага. Едва защёлкнув снаряжённый барабан, поручик вновь перекатился на живот, перекатом и ползком стремясь отползти в сторону, уходя с линии атаки преследователей. И очень своевременно: два здоровяка с короткими палашами в руках уже выбирались из лощины, хватаясь за корни и траву. Их товарищи активно принялись кричать и размахивать руками, указывая своим товарищам направление атаки. К счастью, не на Сергея, а на тот куст, под которым он укрывался считанные секунды назад.

При этом стрелки так расслабились, уверившись в скором захвате беглеца, что опустили свои карабины и стали отличными мишенями. Поручик про себя отметил, что враги попались необстрелянные, не нюхавшие пороха в настоящих сражениях, повезло, значит. Настоящие ветераны ни за что бы ни выпустили из прицелов расположение врага, значит, появились реальные шансы избавиться от преследователей.

Опытный боец Кожин моментально среагировал на изменение ситуации, на мгновение выбросив из головы двух других опасных и близких врагов. Ибо двое стрелков с карабинами не оставляли поручику никаких шансов на выживание, они подлежали первоочередному уничтожению. Сдерживая тремор в руках, Сергей оперся рукоятью револьвера о землю и неторопливо выжал спусковой крючок, удерживая прицел на старшем стрелке, стоявшем слегка позади.

Револьвер немного приподнял ствол после выстрела, а офицер уже торопливо переводил прицел на второго стрелка, не дожидаясь падения первой жертвы. Выстрел, ещё один!

Промахи Кожин буквально увидел, резкие щелчки пуль по веткам выбивали листья сзади врагов, поэтому открыл беглый огонь, стараясь хотя бы ранить второго стрелка, чтобы сбить тому прицел. Как в кошмарном сне, поручик стрелял из револьвера в неподвижного противника, а тот всё не падал. В эти секунды огромный мир исчез, во вселенной остались лишь два человека – Кожин и его преследователь. Больше не существовало ничего, ни окружающего леса, ни двух здоровяков с палашами, подбиравшихся к поручику, ни задания, ни Новороссии.

Только Кожин и его враг, не желавший падать под ударами пуль, которые всё-таки попали в грудь карабинера.

Щёлк, щёлк, щёлк, – вместо выстрелов защёлкали отстрелянные гильзы в барабане револьвера.

Патроны кончились, понял мужчина и, вместе с этим пониманием, пришёл в себя от резкого ощущения опасности. На отработанных десятилетиями тренировок рефлексах он перекатился в сторону, вскакивая на ноги. Чтобы увидеть, как взбивают землю в метре от него удары сразу двух палашей, подбрасывая в воздух сухие листья и травинки.

Последний раз краем глаза Сергей зацепил падающие фигуры обоих стрелков и выбросил все мысли о карабинерах из головы, входя в боевой режим рукопашной схватки. Именно в боевой режим, а не красивую тренировку, в то состояние, когда время исчезло, как и весь окружающий мир. Когда надо не красиво обменяться ударами с противником, демонстрируя свои умения, а нужно убивать, быстро и уверенно.

Разряженный револьвер ещё не успел упасть на землю, выпущенный из разжатой ладони, а тело безопасника превратилось в оружие страшной любого автомата, действуя без остановок, единственным связным смертельным движением. В одну бесконечно длинную секунду поручик скользнул к ближайшему противнику, разбил ему точным ударом правого кулака кадык.

Баронский холуй ещё ничего не почувствовал, машинально продолжая замахиваться палашом, а тело его убийцы продолжало своё хищное движение ко второму врагу. Смазанным рывком-ударом левая рука Кожина разворачивала противника, подставляя его спину под удар левого колена. И удар этот оказался точным и сильным, ломая позвоночник с характерным хрустом.

Разворот по инерции в сторону первого здоровяка, ещё стоящего на ногах, в тщетных попытках закричать. Разбитое горло баронского слуги лишь хрипело, скорее всего, в предсмертных судорогах, но добивать врага приучила жизнь. Рывок воротника кафтана сзади вниз, спина остолбеневшего заговорщика неподвижна, разбитый кадык не способствует гибкости позвоночника. Точный удар костяшками кулака в обнажённый позвоночник, и поворот ко второму сопернику. Того можно не добивать.

Сергей сделал три длинных шага в сторону, и всё, боевой режим закончен, можно оглядеться кругом. Первый взгляд в сторону стрелков-карабинеров, оба лежат отдельно от своего оружия. Опасности нет, поручик развернулся, внимательно вглядываясь в окружающую лесную чащу. Прислушался, обходя убитых врагов по кругу. Признаков чужого присутствия не было, можно заняться осмотром трупов, процедура привычная.

В быстром темпе Кожин обыскал поверженных преследователей, не забывая проверять наличие пульса. Добивать никого не пришлось, но обыск трупов затянулся. Искал поручик не деньги и не оружие, поэтому внимательно прощупал кафтаны и просмотрел в сапогах мертвецов в надежде отыскать клочок бумаги или целое письмо, коли повезёт. И повезло! На теле первого стрелка из карабина Кожин отыскал запечатанное письмо с ясным оттиском баронской печати.

Даже не думая вскрывать такую улику, безопасник вскинул один из трофейных карабинов на плечо, ссыпал все найденные патроны в карманы кафтана, быстрым шагом отправился вслед за скрывшейся из виду Анной. Второй карабин и всё собранное холодное оружие к этому времени были спрятаны в импровизированном тайнике, внутри упавшего дерева, в полусотне метров от места боя. За годы странствий безопасник научился ориентироваться в горах и лесах достаточно, чтобы запомнить место созданного тайника надолго.

Время поджимало. Пройдя по следам Анны сотню метров и отдышавшись, Сергей перешёл на лёгкий бег, прикидывая, как скоро он настигнет свою осведомительницу. Через пару минут поручик вновь сменил бег на быстрый шаг, продолжая обдумывать свои дальнейшие действия.

Он достаточно узнал о сроках восстания, чтобы немедленно доложить о них своему начальству. Но цепочка обрывалась в столице Новороссии, никаких сведений о высокопоставленных чиновниках, на чью поддержку опирались заговорщики, Кожин не добыл. Надежда оставалась на содержимое запечатанного пакета, вскрывать который на ходу поручик опасался. Сначала нужно выбраться в безопасное место, сообщить о сроках восстания начальству, потом и думать о письме.

Минут через сорок быстрого шага, чередующегося с лёгким бегом, поручик догнал Анну. Судя по её мрачному виду, женщина мысленно уже похоронила безопасника и себя, намереваясь лишь не даться людям барона Шеффилда живой. Слишком уж яркими и ужасными представлялись ей мучения и пытки, обещанные бароном для предателей. А в возможность того, что один худощавый Кожин справится с полудюжиной вооружённых слуг барона, здравомыслящая повариха не верила нисколько. Потому самоотверженность поручика, решившего задержать преследователей ценой своей гибели, тяжестью легла на душу Анны. Несмотря на смертельную опасность для неё самой, неизбежность гибели молодого симпатичного дворянина, обещавшего два месяца назад поварихе барона Шеффилда покровительство в обмен на сведения о заговоре, тяготила девушку.

Тем радостнее оказалась встреча Анны и Сергея. Девушка, целый час находившаяся под смертельной угрозой, при виде своего спасителя бросилась ему на шею. Однако вскоре опомнилась и опустила руки, не скрывая, однако, счастливой улыбки. Впрочем, Сергей Кожин знал место и время соблюдению приличий и нисколько не обиделся, понимая состояние своего осведомителя. Отец его, Николай Кожин, всю свою жизнь занимался оперативной работой и часто цитировал слова знаменитого писателя Антуана де Сент-Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Эту фразу Сергей помнил с детства, но понял истинный смысл гораздо позднее. Тогда, когда сам занялся вербовкой осведомителей, плотной работой с ними и реализацией оперативной информации, полученной от агентов.

Только тогда, после провала своего первого агента, буквально забитого камнями насмерть на улицах Александрии египетской, молодой оперативник почувствовал боль и стыд за погибшего человека. За своего человека, поверившего ему, доверившего молодому Кожину свою жизнь и погибшему. Сотни раз мысленно анализировал причину гибели первого агента молодой оперативник, проверяя свои ошибки и недосмотры, несмотря на явную небрежность агента, послужившую причиной гибели. Однако старший сын Николая Кожина с детства знал поговорку отца: «Если твои подчинённые выполнили работу неправильно, виноват всё равно ты. Либо неправильно объяснил задачу, либо выбрал не тех людей, что могли справиться с поставленной задачей».

Тогда, семь лет назад, юный оперативник сделал вывод из гибели своего агента, но это не уберегло некоторых других осведомителей от гибели в будущем. Люди гибли от собственной неосторожности, от стечения обстоятельств, кто-то пытался предать Кожина в попытке заработать больше денег. Но гибель каждого агента тяжёлым камнем ложилась на душу оперативника. Все совершённые им либо агентами ошибки воспитывали осторожность и ответственность молодого офицера.

За годы работы в Египте, Ливане, Персии, затем в русском Туркестане поручик завербовал более полусотни агентов, не считая полутора сотен доверенных осведомителей. И только семь человек из них умерли насильственной смертью, так берёт своих людей оперативник. Именно потому он старался выполнять все данные им обещания, и даже больше того, что обещал.

Так и сейчас, встретив Анну, молодой оперативник радовался спасению девушки едва ли не больше, чем полученной информации. Но время поджимало, поэтому, перекинувшись парой фраз, молодые люди поспешили к укрытой на обочине просёлочной дороге машине поручика. Благо дойти оставалось немного, пересечь старый осинник и метров сто подлеска

вдоль дороги. Однако именно в этот момент сработала привычка опытного разведчика, и поручик удвоил меры предосторожности и маскировки.

Он взял Анну за руку и замедлил движение, внимательно прислушиваясь к лесным звукам и всматриваясь в колыхание листвы деревьев. Мужчина ждал, не появятся ли признаки возможной засады.

Учитывая слежку за поварихой, да не просто слежку, а появление двух стрелков с карабинами, мятежный барон очень опасался разоблачения. Тем важнее были добытые сведения, тем быстрее их нужно было доставить в Петербург. Поручик понимал, что установленные точные сроки восстания могут спасти или погубить тысячи жизней, в том числе и его близких.

Пришедшую мысль позвонить в столицу из ближайшего почтового яма пришлось, по здравому размышлению, отбросить. Слишком велика вероятность прослушки, поручик давно не считал своих противников глупее себя. Если заговорщики достали пулемёты, найти грамотного связиста сам бог велел. По той же причине он отбросил мысль заехать к уездному начальству и передать оттуда сведения по резервной рации. Надеяться приходилось лишь на себя и на скорость передвижения на машине, тем более что здесь, в провинции, форсированный двигатель давал неплохое преимущество.

Мужчина и женщина двигались осторожными шагами, молчаливо вглядывались в окружающий лес. Старый осинник хрустел под ногами опавшими ветками и прошлогодними сухими листьями. Из влажной земли выросли хороводы ранних грибов и лисичек.

«За грибами бы сюда, да отца прихватить», – мелькнула и спряталась несвоевременная мысль у Сергея.

Тут же он вспомнил, что отец осваивает Австралию, и остановился, прислушиваясь. Совершенно некстати пришло понимание того, что все родные заняты исследованием нового материка, а он вынужден чистить грязные закоулки Новороссии.

Треск сорочьих голосов отвлек от размышлений. Неужели засада?

– Стой здесь, – шепнул оперативник на ухо девушке, пригибаясь к земле.

Оставив Анну за кустом крушины, он скрытно двинулся направо, обходя кричащих сорок. Несколько минут почти бесшумного скрадывания, и парень с облегчением убедился, что засады возле машины нет, а крики сорок вызваны остатками волчьего обеда, за который боролись прожорливые птицы.

Рассмотрев несколько следов волчьих лап, поручик успокоился, уж волки бы засаду почувляли точно. И вблизи людей никакого пиршества не устроили бы, а тут целого оленя разорвали, видно по разбросанным костям.

Оперативник подошёл к своей машине, сбросил маскировочную сеть и несколько еловых лап, прикрывавших её от любопытных глаз, открыл дверь, уселся на водительское место и завёл двигатель. Всё было в порядке, датчик топлива показал две трети бака, посторонних шумов мотор не выдавал.

Не заглушая двигатель, мужчина крикнул Анну и махнул ей рукой из машины. Молодая женщина шмыгнула к машине и аккуратно отжала кнопку фиксатора, открывая правую дверцу рядом с водителем. Так же аккуратно, подобрав подол платья, Анна уселась рядом с Сергеем и разгладила платье на коленях.

– Поехали, – улыбнулся водитель, трогая машину с места.

Впереди были четыре часа езды по просёлочным дорогам и час пути по щебёночному тракту на подъезде к столице. Двигатель мерно урчал, колёса уверенно держали просёлочную дорогу, песчаная почва которой поросла подорожником.

«Видимо, барон давно состоял в заговоре, движения в замок совсем не видно, – заметил поручик. – Придётся внимательно допросить Шеффилда по старым связям, наверняка есть ниточки на материке».

– Однако, – машинально притормозил мужчина, увидев непонятное движение в зеркале заднего вида. – Накаркал, чёрт возьми!

Действительно, из-за ближайшего поворота, один за другим, выезжали всадники, вооружённые пиками и мечами. Особых сомнений в их намерениях не возникло, явно барон послал группу проверить ближайшую дорогу. Пока выезжали первые всадники, у поручика ещё была надежда, что это небольшой разъезд в пять-шесть человек. Однако после появления первой дюжины преследователей надежда развеялась. До ближайшего врага оставалось меньше ста метров, пора убегать. Машина рванула с места, набирая скорость, всадники закричали, подстёгивая коней. Началась погоня по лесной дороге, где машина не имела особых преимуществ перед лошадью.

Дорога была запущена, перегорожена упавшими лесинами, в лужах стояла вода, резкие повороты мешали набрать скорость. Преследователи отлично знали местность и наверняка выслали нескольких всадников наперерез. Поручик понял, что придётся снова стрелять, и постарался выбрать небольшую поляну для обороны. Едва выехал на открытое место, как вывалился из машины с карабином в руках.

Стрелять пришлось сразу, уложив ствол на капот, так как преследователи уже догоняли. Пятизарядный карабин в умелых руках, на расстоянии в полсотни метров, да против всадников на узкой лесной дороге – это страшное оружие. Опыт борьбы с конными врагами у поручика был немалый, с Туркестана. А то, что вместо скалистого ущелья предгорий Копетдага преследователи оказались заперты на узкой лесной дороге, принципиальной разницы не имело.

Сергей первыми выстрелами выбил сразу пятерых ближайших всадников, затем занялся снаряжением магазина, благо в кармане лежали сразу три запасные обоймы. Убитые всадники падали из сёдел, выстрелы пугали коней, на лесной дороге образовалась свалка.

Напуганные неожиданным отпором преследователи поспешили разделиться. Часть из них разворачивалась, стараясь поскорее уйти от обстрела, более опытные спешили в лес, укрываясь в деревьях. Последних и попытался проредить поручик патронами второй обоймы, троих свалил, но ещё трое скрылись за деревьями. К этому времени отступавшие всадники уже скрылись за поворотом извилистой лесной дороги.

Кожин ухмыльнулся: поведение врагов в очередной раз показало отсутствие боевого опыта.

«Этак мы и заговор задушим без потерь», – уже не сомневался безопасник.

Но успех не мешал здраво мыслить, поэтому мужчина бросил карабин на заднее сиденье машины и вновь сел за руль. Первые пять минут водитель ехал неторопливо, бросая частые взгляды в зеркало заднего вида. Преследователей больше не было, можно сосредоточиться на дороге, набирая скорость.

Безопасник не сомневался, что высланная на перехват группа вскоре даст о себе знать, потому и спешил их опередить как можно больше. И это ему удалось: после очередного поворота, когда дорога вышла из леса на широкий луг, слева появились всадники. Те самые, из непуганой группы преследователей. Машина вновь остановилась на пригорке.

– Анна, подай мне карабин.

Поручик открыл боковое окно в дверце водителя. Затем принял карабин из рук девушки, привычно вставил новую обойму, передёрнул затвор. До непуганых всадников оставалось около полусотни метров, вполне достаточно для беглой стрельбы.

Бах, бах, бах, бах, бах!

Стрельба в салоне ударила по ушам, аж зазвенело. Анна зажала уши руками и пригнулась на сиденье. Поручик, стараясь не вдыхать резкий запах сгоревшего пороха, быстро перезарядил карабин. Однако продолжения не потребовалось: добрый десяток всадников уже развернулся, нахлёстывая лошадей в попытке скрыться от смертельного огня.

– Поехали.

Сергей аккуратно положил карабин между своим сиденьем и кузовом машины, стволом назад. Предохранитель, естественно, он не забыл передвинуть в походное положение. Затем резко тронул машину с места, вдыхая свежий воздух в открытое окно.

Внутренний голос подсказывал ему, что больше преследователей не будет, оставалось грамотно добраться до Петербурга, потому двигалась машина осторожно, не разгоняясь по извилистой дороге, пока не выбралась на более широкий просёлок.

Лиственный лес сменился пустошью, затем снова пошли дубравы. Даже на скорости шестьдесят вёрст в час поручик отметил, что это были уже не баронские бывшие владения, а государственные угодья. Дубравы стояли чистые, светлые, без сухостоя и упавших стволов. Вырубка дубов, лиственниц, строевых сосен, можжевельника и прочей деловой древесины была под строжайшим контролем государства с самого освобождения Новороссии от нормандских оккупантов. Частным лицам разрешалась только санитарная рубка под бдительным присмотром преподавателей и студентов биофака Петербургского университета. Остатки нетронутого дикого леса можно было найти лишь в семнадцати организованных полтора десятилетия назад заповедниках.

Вспомнив о заповедниках, поручик пожалел, что ни одного из них не будет на пути. Как раз там, в заповедниках, работали истинные фанатики своего дела, не подверженные никаким политическим интригам. Да, уж из заповедника Кожин мог наверняка связаться на резервной частоте с Петербургом без опасений быть подслушанным. Одной зашифрованной фразы хватило бы, чтобы сообщить о дате восстания, но так получилось, что заповедники лежали вне дороги на столицу. Хорошо, что дождей не было последние три дня, и потому лужи не мешали передвижению, что для дождливого климата Острова не слишком характерно.

При виде придорожной корчмы остро заурчало в животе, Анна просительно взглянула на спутника.

– Нет, останавливаться не будем, – огорчил её безопасник, но затем улыбнулся: – Возьми в бардачке, вот здесь, пакет с пирожками, поешь. В бутылке топлёное молоко, пей прямо из горлышка.

Сам офицер ограничился тремя мясными пирожками и парой глотков молока, его спутница подъела остатки. Тётя Оля, повариха, готовила всегда с хорошим запасом, понимала тётка, что воспитанник (он же хозяин дома) один не будет обедать, обязательно найдет, с кем разделить трапезу.

Есть пришлось на ходу, так и движение на просёлках не мешало водителю рулить одной рукой. С каждой верстой удаления от поместья Шеффилдов молодые люди становились всё спокойней, дорога ложилась под колёса уверенней и спокойнее.

Лишь в сумерках добрался поручик до своего, вернее, отцовского дома, оставленного Николаем Кожиним под присмотр старшего сына. Конечно, была в доме и прислуга в лице старого ветерана и его жены, трёхэтажный особняк на два десятка комнат требовал постоянного ухода. Но хозяином числился Сергей, хотя парень занимал одну свою детскую комнатку, а обедал на кухне.

Поручив Анну заботам тёти Оли, мужчина наскоро сполоснулся холодной водой, смывая пот, затем переоделся и отправился на кухню, где быстро перекусил копчёным салом с хлебом. Впереди был подробный доклад министру безопасности и, скорее всего, самому наместнику. Слишком близко к Никите Седову подобрался заговор.

Глава вторая

– Докладываю, господин наместник, – вытянулся в кабинете Никиты Седова министр безопасности Новороссии утром следующего дня. – По оперативным данным, восстание на Острове назначено на субботу. Основной костяк восставших составляет дворянство бывшего Английского королевства, в основном нормандцы. Те из них, кто не смог или не захотел найти себе достойную работу в Новороссии. Двадцать лет многие из них ютятся в старых замках, лишённые большей части своих земель и доходов, ведут почти нищенский образ жизни. Все они старше тридцати пяти лет, помнят времена королевы Елизаветы и не желают говорить по-русски. Многие привлекли к заговору своих детей и арендаторов, судя по всему, даже имеются наёмники из маргиналов. Откуда деньги на оружие и наёмников, разбираемся.

– Сколько их?

– На сегодня выявлено сорок восемь дворянских поместий и замков, общая численность заговорщиков, вместе со слугами и арендаторами, может дойти до пяти тысяч боеспособных мужчин.

– На что они надеются? Два столичных полка раскатают всех бунтовщиков в течение пары недель, – удивился Седов и задумался. – Помощь из-за границы?

– Да, удалось выйти на два канала связи повстанцев со шотландцами и ирландцами. Те жаждут реванша и грабежей. Полагаю, заговорщики торгуются, кто будет выступать первым, на кого придёт самый сильный удар. Каждый, естественно, хочет оказаться в тени, подставив других. С Ирландией Новороссия до сего времени не воевала, народ на Изумрудном острове непуганный, на это и рассчитывали бунтовщики. Полагаю, именно ирландцы выбраны в качестве первой жертвы. – Министр задумался и добавил: – Есть вероятность, что восставших могут поддержать бойцы столичного гарнизона, так как некоторые с ними в родственных отношениях. Пусть и седьмая вода на киселе, но, сам знаешь, родня много значит.

– Да, – кивнул Никита, для которого все магаданцы стали ближайшей и самой надёжной роднёй лет тридцать назад. Потому он понимал привязанность здешних жителей к своей родне до седьмого колена.

– Тем более что вчера нами изъяты пять пулемётов, проданных заговорщикам, ночью были задержаны первые кладовщики, подозреваемые в хищении оружия со складов в столице.

– Что ещё?

Никита Седов видел, что министр пытается что-то добавить, но как-то неуверенно. Для опытного служаки и ветерана всех военных кампаний, начиная с захвата королевского дворца в Стокгольме, подобная нерешительность была не характерна.

– Поручик Кожин доставил очень интересное письмо, хотя и без адресата.

– Где оно? – Седов взял из рук министра стандартный лист бумаги и глянул на текст. – Так это по-английски?

– Речь идёт о сэре Уильяме, который должен дать сигнал к восстанию, – любезно пояснил министр. – К сожалению, ни адресата письма, ни сэра Уильяма мы не знаем. Хотя круг подозреваемых Уильямов невелик, уже работаем над выявлением высокопоставленного предателя. Среди бывших сэров Английского королевства наберётся не больше десятка с именем Уильям, хотя с учётом наследников круг подозреваемых расширится.

– Что предлагаете?

– Уильяма мы найдём рано или поздно, это я гарантирую. Вместе с тем считаю, что допустить начало восстания опасно, нужно задержать всех выявленных бунтовщиков до субботы. За двое суток успеем, у нас преимущество в скорости связи и в транспорте. Бунтовщики пока не знают, что раскрыты, будем работать на опережение.

– Справитесь? Как вы силами неполной сотни безопасников задержите пять тысяч заговорщиков?

– Помогут военкоматы и ополченцы, активных заговорщиков немного, остальные просто выполняют указания своих хозяев. Не сомневаюсь, что справимся, Никита Валентинович, но только со своими предателями. А против ирландцев и скоттов придется задействовать армию и флот, хотя бы сторожевые катера. Я уверен, что вторжение ирландцев и скоттов начнётся в любом случае. Радиосвязи у бунтовщиков нет, значит, всё завязано на субботу, на условный день.

– Хорошо, готовь сведения для военных, через час соберём совещание министров. – Наместник поднял трубку телефона, вызывая секретаря. Вскоре он давал подробные указания. – К девяти часам срочно вызвать всех министров, управляющих Ирием и Петербургом, и моего отца, официального советника наместника Новороссии. Предстоит согласовать необходимые меры по защите Острова от внутренних и внешних врагов, необходимо усилить меры предосторожности на континентальной части страны.

Секретарь кивнул и вышел, усевшись за телефон: по общей связи вызов министров не займёт много времени. Наместник между тем позвонил начальнику дворцовой охраны, чтобы усилить пропускной режим и вызвать дополнительную роту охраны. Пусть сведений о связи бунтовщиков с континентом нет, но Никита отлично помнил любимую поговорку дяди Коли Кожина: «Бережённого Бог бережёт, а не бережёного конвой стережёт».

Отец и его друзья смогли передать новому наместнику Новороссии необходимую толику паранойи и обострённое отношение к безопасности и заговорам. Они не зря упоминали тридцать лет исторические примеры жизни и смерти государственных правителей Европы, среди которых выживали исключительно недоверчивые и жестокие, а добрые и доверчивые гибли за считанные годы.

Да и сама жизнь в шестнадцатом веке не способствовала самоуспокоению, потому Никита Валентинович Седов к сорока годам перенял достаточную долю подозрительности от старших магаданцев, чтобы любое покушение на власть Новороссии воспринимать весьма чутко.

Перед началом совещания Никита начал продумывать основные вопросы, намечая их карандашом в ежедневнике. Наместник вникал в каждую мелочь, принимая перестраховочные меры к подавлению бунта. Учитывалось всё: время и график задержания выявленных заговорщиков, места их ареста и допроса, изоляция семей заговорщиков, меры по безопасности в армейских подразделениях и так далее, вплоть до местностей высылки бунтовщиков.

Впервые, кстати, семьи активных организаторов заговора, ввиду их опасности, решили выселять на Гренландию. Несколько веков остров населяли одни иннуиты, эскимосские аборигены, небольшое поселение викингов полностью вымерло.

Наученные прежним опытом, оставлять без власти огромный, пока бесполезный, но стратегически важный в будущем остров русы не собирались, как и дарить его датчанам. Потому год назад на побережье Гренландии власти Новороссии выстроили первый острог, нёсший сторожевые и представительские функции в торговле с иннуитами. Теперь захваченным бунтовщикам, которых суд оставит живыми, предстояло вместе с семьями заселить самый большой остров в мире. Работой ссыльных русские власти обеспечат, как и займутся обучением детей и внуков исключительно русскому языку и письменности.

Лет через сто потомки ссыльных в Гренландии станут активными патриотами Новороссии, при условии грамотного воспитания молодёжи, разумеется. А уж Никита приложит к этому все силы и во всех частях Новороссии. Он слишком часто слышал от родных о гибели Советского Союза из-за пренебрежения правильным воспитанием и соблюдением законов, чтобы позволить себе повторить подобную глупость.

Ненадолго пришлось прерваться, чтобы набросать срочные шифрограммы для губернаторов и командующих войсками Новороссии на континенте. Не ожидая результатов совещания, Седов сообщил своим доверенным лицам о возможном восстании, приказал провести срочную передислокацию гарнизонов, привести войска в боевую готовность, принять все меры для вооружённой защиты государственных (бывших выморочных) земель, свободных граждан и государственных предприятий.

Он не сомневался, что многочисленные курфюрсты, князья, графы, герцоги и бароны на бывших землях Священной Римской империи германской нации, придавленные налогами последних лет, впадавшие в откровенную нищету, поднимут восстание. Даже при отсутствии действенной связи с заговорщиками на Острове недовольные дворяне на материке наверняка зашевелятся после появления первых слухов. Да не просто зашевелятся, а развяжут кровавую гражданскую войну. Уж в этом Никита не сомневался, посмотрелся на дворян шестнадцатого века достаточно.

Все они, что немцы, что поляки и прочие чехи, венгры, словаки и так далее, простых людей и людьми не считали. Так что резать бароны будут всех, мужчин, женщин, детей, как скотину, без суда и жалости. За ними и соседи подтянутся, дабы отщипнуть бывших своих земель или чужие прихватить по случаю.

Наместник отлично помнил все разведывательные сводки по европейским соседям. Желаящих наберётся достаточно, от остатков Франции и непуганой Швейцарии до Священной Римской империи, жаждущей реванша, и Швеции, считающей себя сильнейшим государством в Европе, незаслуженно обойдённым своими богатыми союзниками – Западным Магаданом и Новороссией.

К урочному часу собрались почти все министры и приглашённые градоначальники. Отсутствовал лишь отец наместника, сославшийся на плановую операцию, из-за которой вынужден задержаться на четверть часа, да Ульян Мальборо, министр финансов, которого почему-то не смогли найти по телефону.

Пора начинать, решил Седов и поднялся из-за стола. Нервное утро выдалось у наместника, первый бунт под его правлением всё-таки, да ещё такой крупный. Как на его работу посмотрят отцы-основатели? Может, потому и дрогнула рука Никиты, уронив на пол ежедневник с набросанными вопросами к совещанию. Мужчина машинально нагнул и присел, поднимая блокнот с пола. Именно в этот момент сработало взрывное устройство, оставленное в портфеле у входа в кабинет.

Взрывная волна буквально разорвала ближайших ко входу в кабинет министров, остальных воздушный кулак отбросил в стороны, размазав по стенам. Первые умерли мгновенно, участь остальных оказалась лучше, но не мягче. Две трети кабинета министров получили множественные компрессионные переломы и контузии. Легче всех отделался наместник, которого прикрыли от ударной волны массивный стол и приставная тумба.

Удача спасла Никиту Седова от компрессионных переломов и контузии, но отражённый от стены воздушный фронт опрокинул на него сзади книжный шкаф. Великолепный шкаф красного полированного дерева, высотой под потолок, добрых три метра, с двумя десятками томов немногочисленного новороссийского законодательства, картами и статистическими данными за последние годы.

Другого, менее счастливого человека подобная тяжесть придавила бы насмерть. Но только не Седова-младшего, который отделался сломанной ключицей правой руки и огромной шишкой на затылке. Хотя сознание всё-таки потерял от удара, напугав своего отца, появившегося в приёмной наместника за мгновение до взрыва.

Валентин Седов торопился на совещание после операции, догадываясь, что нужны быстрые действия против заговорщиков. Но он не ожидал, что бунтовщики отреагируют так своевременно и активно. Военврач ворвался в кабинет через секунду после взрыва, выбившего

дверь в приёмную. Едкий запах взрывчатки и пыль от штукатурки забили нос густой вонью, обрывки обоев, занавесок, хлопья какой-то сажи плавали в воздухе. Военврач бывал на местах боевых действий, осматривал места терактов давно, ещё в России. Удивить ранениями его было трудно.

Однако взрыв произошёл в кабинете его сына, поэтому Валентин не замечал ничего, пробираясь сквозь обломки мебели к креслу наместника. Лёгким движением руки, с одного рывка шестидесятилетнего старик откинул тяжёлый шкаф красного дерева, придавивший его сына.

– Живой, Никита? – Отец повернул тело сына на спину, чуткими руками хирурга проверяя пульс. Спустя пару секунд Валентин Седов успокоился, присел и начал исследовать внешние покровы, определяя возможные повреждения, машинально приговаривая: – Живой, сына, живой. Ничего, рёбра целы, позвоночник цел. Так, а это что? А, ключица сломана, шишка на голове. Сотрясения, скорее всего, нет. Слава богу!

Опытному врачу хватило пары минут, чтобы успокоиться и заняться своим делом. Оставив сына лежать на месте, он запретил ему двигаться. Хоть и нет особых повреждений, но бывает всякое после контузий. Был у военврача случай, когда парень с переломом позвоночника двести метров пробежал в травматическом шоке. Да и другие подобные казусы. Так что Валентин Седов быстрым шагом вернулся в приёмную, велел секретарю срочно вызвать дворцовую бригаду врачей. Затем включил громкую связь по всему зданию дворца и объявил:

– Внимание! Говорит Валентин Седов, советник наместника! В связи с покушением на моего сына временно принимаю командование на себя! Приказываю никого из здания не выпускать, объявляю план «Занавес»! Коменданту здания срочно усилить внешнюю охрану, вызвать вторую роту из казармы, затем прибыть в приёмную наместника!

Конечно, отдай подобный приказ кто-то другой, комендант и другие офицеры запросили бы подтверждение либо сами бы проверили, что творится в приёмной. Однако авторитет Валентина Седова, спасшего со своими учениками тысячи детей и матерей, среди русов был высочайшим. Кроме того, все знали, что взрыв произошёл в кабинете наместника Новороссии, сына Валентина Седова, потому указания военврача по громкой связи были исполнены мгновенно и старательно.

Дворец наместника моментально превратился в закрытую крепость наоборот, куда можно было войти, но нельзя было выйти. Караулы ошетились карабинами с примкнутыми штыками, вдоль стен дворца снаружи и со двора вышли патрули. А решётки на окнах первых трёх этажей стояли всегда, об этом позаботился Николай Кожин ещё во время строительства.

Приказ Валентина по объявлению плана «Занавес» был немедленно продублирован шифром радистам по всей территории Острова. По этому приказу военные коменданты, градоначальники, командиры воинских подразделений вскрывали секретные пакеты. Все воинские подразделения на Острове приводились в боевую готовность, усиливалась охрана важных и секретных заводов, складов.

Власти собирали ополчение, организуя оборону своих городов и посёлков. Портовые коменданты прекращали выход в море всех судов, независимо от назначения, вплоть до рыбацких шхун. Одновременно задерживалось отплытие всех иностранных кораблей, до особого распоряжения. Морские пограничные и военные подразделения, наоборот, выводили в море все наличные корабли, обеспечивая тем самым полную блокаду Острова со всех сторон.

Все это время, пока страна ошетиновалась стволами карабинов и пушками катеров, Валентин Седов занимался своим привычным делом, то есть оперировал выживших при взрыве министров, организовывал их лечение. Только к трём часам пополудни временный наместник острова Валентин Седов нашёл возможность собрать совещание правительства Новороссии. На сей раз собрались в кабинете министра безопасности, его успели проверить сапёры от минирования и связисты от прослушки. Усталыми от напряжённых операций гла-

зами Валентин внимательно рассматривал собравшихся на совещание заместителей министров и градоначальников.

В основном собрались молодые, тридцати с небольшим лет мужчины, зато самого разного происхождения. Были здесь и потомки знатных дворянских родов, принявшие служение магаданцам, были выслужившиеся офицеры, набранные со всей Европы, от Урала до Бретани. Эти профессионалы найдут себе место при любой власти. Но имелись и три детдомовца, два мастеровых, один купец, связанные с магаданцами годами верной службы, терявшие с разрушением Новороссии всё своё будущее. Хотя и тут не всё так очевидно, ведь многочисленные знакомства по всей Европе позволят им неплохо устроить свою жизнь при любом раскладе.

«Наверняка среди них не менее одного заговорщика. Кто ещё принесёт взрывчатку в кабинет наместника? Да и выгоду от смерти министров получают в первую очередь заместители. Нужно разбираться без заместителей, но кто из их подчинённых не участвует в заговоре?» – Такие мысли полдня мучили военврача: пока руки оперировали, голова работала. Потому и совещание Седов начал совсем не так, как ожидали собравшиеся заместители министров и градоначальников.

– Так, господа, с этого часа все вы находитесь под домашним арестом в гостевых покоях дворца. Без права телефонных разговоров и выхода из покоев. Через сутки я жду ваши письменные аналитические записки с планом действия. Расследованием взрыва и розыском пропавшего Ульяна Мальборо буду заниматься пока я. Все свободны, конвой отведёт вас по комнатам. – Валентин моментально пресёк попытку возражения при виде вспыхнувших обидой лиц. – Спокойно, господа заместители, спокойно. Если кто не понял, основными подозреваемыми по взрыву пока являетесь вы, может быть, даже все сразу! Потому что при гибели министра именно его заместитель занимает освободившееся кресло. Надеюсь, это всем понятно? Чтобы не оскорблять всех вас подозрением, допросами и обысками и не рисковать безопасностью Острова, я принял решение отстранить всех вас от работы. Временно!

Оставшись один в кабинете безопасника, Седов немедленно пригласил по телефону Сергея Кожина. Военврач принял решение работать с детьми магаданцев, только они при успехе восстания точно ничего не выигрывали. В лучшем случае – лишение всего и бегство, в худшем – смерть. Кроме того, все взрослые магаданцы знали о будущем, отцы и матери им раскрывали эту тайну в день совершеннолетия. Да и воспитывали своих детей и внуков магаданцы с душой, не забывая, что именно они – залог правильного будущего.

Того будущего, основы которого закладывают уже тридцать пять лет бывшие граждане России в шестнадцатом и семнадцатом веках. Будущего без англосаксонской двуличной политики и протестантской жадности, приведших Европу и весь мир к двум мировым войнам, бесконечным кризисам экономики и политики, потере человеческой чести и совести, уничтожению природы. И всё это ради наживы, ради вещей и денег, которые невозможно унести с собой на тот свет. Одежды и обуви, которые богачи не успевают надеть даже по одному разу в жизни. Земельных владений и заводов, которые их владельцы не увидят ни разу в жизни.

Многое рассказывали магаданцы своим детям и внукам о своём времени, не всегда плохое. Но их отпрыски вырастали единомышленниками в желании сохранить общество чести и совести, чистую воду и живой лес. Тем более что магаданцы смогли добиться достаточного благосостояния, чтобы их дети и внуки ни в чём не нуждались. И обучить своих детей и внуков наукам настолько, чтобы путь к звёздам и лечению всех болезней выглядел не сказкой. Не сказать, что дети магаданцев вырастали исключительно учёными и врачами, но все они верили в свою благородную миссию спасения будущего. А люди, уверенные в причастности к такой великой цели, лишённые материальных проблем, выросшие в любимых семьях, никогда не станут предателями.

– Здравствуй, Сергей. – Седов глядел на сына старого друга красными усталыми глазами. – Ты всё знаешь?

– Да, дядя Валя, – поклонился поручик.

– Собери всех магаданцев, а сам начинай работу, пока ваши начальники заперты во дворце. У тебя одна задача – выявить предателя и организатора взрыва, привлекая надёжных безопасников, вот мой приказ, подтверждающий твои полномочия. Остальные наши парни и девушки пусть соберутся у меня, будем наводить порядок на Острове.

– Все уже во дворце, будут через пару минут, – снова поклонился Кожин, рассматривая приказ о назначении его временно исполняющим обязанности министра безопасности Новороссии. – Можно идти?

– Иди, я в тебе не ошибся, – устало улыбнулся Валентин Седов.

Поручик вышел за дверь, и военврач расслышал его голос:

– Ребята, заходите!

Пока Седов инструктировал «малое министерство», представленное детьми и внуками магаданцев, поручик Кожин внимательно выслушивал доклады своих людей, наблюдавших за близкими связями пропавшего министра Ульяна Мальборо. Очень своевременно пропавшего, надо сказать.

Ещё утром, после взрыва, Кожин вызвал к себе свою старую команду – персов и туркмен, за полгода вполне освоившихся в Петербурге. Сейчас он собирался проверить выявленные старой командой адреса, провести рейд по местам вероятного нахождения заговорщиков. И полученная информация внушала достаточную уверенность в хороших результатах ночного рейда.

Валентин Седов тем временем назначал магаданцев своеобразными комиссарами, направляя парней и девушек на самые ответственные участки борьбы с заговорщиками. Благо для маленькой территории Острова двадцати пяти собравшихся парней и девушек вполне достаточно. Почти все инженеры и артиллеристы отправились комиссарами на флот, намереваясь отплыть в Ирландский пролив ночью с пятницы на субботу.

Атака ирландцев представляла особую опасность в силу многочисленности нападающих, поэтому Седов настаивал, чтобы ни одно ирландское судно, несущее десант, не допустили бы до берегов Острова. При этом, естественно, военврач не забывал о безопасности своих комиссаров. Каждый получал команду сопровождения – до взвода надёжных бойцов с автоматическим оружием. И, конечно, соответствующий приказ, наделяющий молодых магаданцев весьма широкими полномочиями.

Основную часть учёных, инженеров и медиков временный наместник направил на свои рабочие места организовывать оборону от возможных нападений бунтовщиков или диверсий, снабдив предварительно молодых магаданцев документами об их новых полномочиях и надёжными отрядами.

Главным в инструктаже магаданцев стала идея об их общей ответственности за сохранение мира на Острове, как минимум. О том, что выжить и продолжить свою миссию магаданцы смогут лишь вместе, активно вмешиваясь в политическую и военную жизнь Новороссии. О том, что в минуты испытаний, когда любой может предать ради низменных интересов, только магаданцы, не имеющие корыстных интересов и знающие тайну будущего, могут доверять друг другу.

Юноши и девушки, всю жизнь окружённые заботой родных и близких, выбравшие себе работу по интересу, а не из необходимости прокормиться, были горды от сознания своей причастности к политической жизни страны. Впервые поколение их родителей не скрывает своих трудностей и просит о помощи. Да ещё наделяет огромными полномочиями.

Конечно, ребята все были неглупые, головокружение от важности поставленной задачи не наступило ни у кого. Наоборот, многие прониклись тяжестью ответственности за судьбы страны и своих родных и близких. Ну и Седов добился своей цели, он укрепил самые важные участки обороны и промышленности Острова надёжными руководителями, предательства

которых можно было не опасаться. Только после этого врио наместника занялся самым важным – планированием ареста заговорщиков.

Магаданцев на это дело уже не осталось, пришлось привлекать самых разных людей, поскольку безопасников тоже не хватало. Командирами групп назначались охранники дворца, доверенные слуги, ревизоры, недавние переселенцы из опытных православных офицеров. Главной задачей было избежать участия представителей наместника в арестах земляков и знакомых подозреваемых дворян. Много времени занимало оформление документов с последующим чётким указанием о доставке арестантов.

Потому всё закончилось ранним утром следующего дня, знаменитой пятницы, той самой, которую Валентин Седов позднее назвал «пятницей длинных ножей». Ляпнув такое от усталости и злости, военврач не предполагал, что это название будет подхвачено и на долгие годы станет символом его краткого правления. Неполные два года его правления в качестве врио наместника Новороссии, начатые накануне «пятницы длинный ножей», ознаменовались установлением окончательного порядка на Острове с ликвидацией последних очагов недовольства и сопротивления. А пока у безопасников оставались последние мирные сутки для ареста заговорщиков, которыми они успели воспользоваться. Благо Остров оказался не так и велик, а курьерские поезда и пассажирские самолёты значительно сокращали расстояния.

День арестов прошёл достаточно гладко, сопротивление оказали не больше четверти заговорщиков. Потерь со стороны русов не было, кроме нескольких раненых. Видимо, сказало участие доверенных лиц самого наместника Валентина Седова. После его инструктажа командиры отрядов задержания не боялись приказывать стрелять при малейших признаках сопротивления, а соответствующая бумага с подписью наместника подтверждала их полномочия, избавляя местных ополченцев от любых сомнений. Учитывая, что многие ополченцы имели старые счёты к баронам-заговорщикам, они открывали огонь при малейшем подозрении. А лишённые главарей бунтовщики легко складывали оружие, признаваясь и раскаиваясь во всём. Всего было арестовано полторы тысячи активных заговорщиков, с которыми сразу начали работать дознаватели и судьи.

Весь день после утреннего посещения сына в больнице Валентин Седов провёл во дворце, принимая телефонные и радиogramмы от исполнителей. Секретарь устанавливал значки на большой карте Острова, отмечая ликвидированные гнёзда заговорщиков, а наместник читал аналитические записки заместителей министров и градоначальников, пытаясь выявить нескладные места.

После обеда появился поручик Кожин, доложил о захвате новых заговорщиков и разработке их по линии Министерства торговли. Кроме того, поручик согласовал задержание нескольких человек из дворцовой obsługi, выведивших на след взрывника. Вовремя поданная военврачом команда о запрете выхода из дворца дала результаты, четверо заговорщиков, причастных к взрыву в кабинете наместника, не смогли скрыться. Валентин санкционировал работу поручика внутри дворца, а сам сидел до позднего вечера в кабинете, пока не доложили о ликвидации последнего логова заговорщиков на Острове. Потом заночевал прямо во дворце. Предстояла суббота, день нападения ирландцев и скоттов.

Ночь прошла для жителей столицы спокойно, спал даже уставший Седов, не сомневающийся в вооружённых силах Новороссии. Зато отдохнувший за день Кожин со товарищи продолжал ночные облавы и обыски, реализуя полученную за день при допросах информацию. А информация становилась всё интересней и интересней, появились первые ниточки, ведущие за границу, на материк. Весьма интересные ниточки, которые нуждались в надёжном закреплении, хотя бы на Острове. Так что ребятам Кожина вновь предстояла бессонная ночь, наградой за которую стала уникальная информация и убийные документы. Не считая, конечно, десятка новых арестантов, с которыми ещё под утро завязалась азартная торговля.

Утро для врио наместника прошло в знакомом кабинете, рядом с телефоном и рацией, двумя связистами и секретарём с картой. Седов уже привычно читал аналитические записки, а секретарь принимал информацию, расставляя значки на карте. Так же, как и вчера, после обеда зашёл Кожин, чтобы коротко выложить свежие сведения, уводящие нити заговора на материк. Пока, по непроверенной информации, в поддержке заговорщиков отметились испанцы, итальянцы из Папской области и, как ни странно, поляки. Последние могли быть откуда угодно, от Польско-Венгерского королевства до оккупированной шведами Великопольши или новороссийского Поморья. Но спешить с выводами поручик не собирался, требовалась оперативная работа на континенте. Потому и особых планов они с Валентином не строили, пока все возможности на Острове не отработаны.

Успокаивало хотя бы то, что взрыв во дворце запланирован не иностранцами, а своими, доморощенными заговорщиками. Поручик Кожин выявил всю цепочку и задержал пятерых человек из obsługi дворца, устроивших взрыв в кабинете наместника. Узнав, кто это такие, Валентин долго матерился, вспоминая уроки истории России девятнадцатого века. Уроки Степана Халтурина, таскавшего взрывчатку в Зимний дворец, десятков и сотен эсеров-взрывников магаданцы не приняли во внимание. А зря, поскольку неудачники-студенты и болтуны-интеллигенты из Народной воли как никто стали (или только будут) ярким прообразом взрывников в Петербурге семнадцатого века.

Самыми активными участниками оказались два недоучившихся студента химического факультета, выгнанные за неуспеваемость. А трое других – племянники опальных баронов, вынужденные наняться на работу из-за конфискации наследных земель. В силу тупости за пять лет работы никто из них не смог сделать карьеру или найти более интересную работу. Зато обвинить во всех своих бедах магаданцев ума у них хватило, как и украсть некоторое количество взрывчатки с факультетов химии и геологии Петербургского университета.

Так что доморощенное подполье удалось выявить за двое суток, оставалось проследить связи за рубежом, в Испании, в Папской области, в Священной Римской империи. Да отыскать источник таинственного польского следа на континенте, который поручик Кожин считал самым интересным. Сергей бил копытом и просил разрешения отправиться в Европу, чтобы поработать там со своей группой на просторе. Вспомнить, так сказать, боевое туркменское прошлое. Валентин обещал отпустить ребят, но только после решения вопросов на Острове. После того, как опасность восстания и возможной интервенции будет полностью исключена.

Между тем боевые действия утром субботы в Ирландском проливе развивались весьма активно. Разведчики из ирландских портов радиовали, что сотни судов, переполненные вооружёнными фениями, вышли ещё затемно в море ранним утром в субботу. Многие отряды возглавляли лично ирландские дворяне под предлогом мести вековым угнетателям Изумрудного острова.

О том, что именно магаданцы два десятка лет назад дали Ирландии независимость от английской короны, мстители предусмотрительно предпочитали забыть. Как и о том, что англичан, истинных поработителей Ирландии, в Новороссии давно не осталось. К чему такие тонкости, когда появилась возможность пограбить соседа? Как скажет через двести лет дедушка Крылов (или не скажет?), «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

Так вот, ранним субботним утром двадцать второго июня (интересная дата!) 7113 (1605) года, по русскому летосчислению, поскольку католический Ватикан был уничтожен волей Божьей, сотни кораблей двигались через Ирландский пролив на восток, к берегам Новороссии. Погода стояла отличная, легкий юго-западный ветер вполне устраивал армию нашествия, а волнение не превышало четырёх баллов. Это тоже устраивало, но уже флот обороны Новороссии. В Ирландский пролив с рассветом начали выходить тридцать шесть торпедных катеров, пять эсминцев водоизмещением восемьсот тонн и многочисленный флот поддержки. Туда включили более двух сотен парусных и самоходных кораблей, арендованных накануне у рыба-

ков и торговцев вместе с экипажами под предстоящую долю в добыче. Экипажи кораблей поддержки были строго проинструктированы, вооружены револьверами и ружьями за счёт правительства Новороссии.

Торпедные катера и эсминцы получали координаты целей по радио с ближайших РЛС, которыми ещё лет десять назад оборудовали всё побережье Новороссии. Последние модели радиолокационных станций свободно «видели» Ирландский пролив насквозь, до побережья Ирландии. Поэтому особого волнения среди руководителей пограничной службы Острова не было, хотя патрули и группы наблюдателей на всём западном побережье на всякий случай усилили. А верные части ополченцев ждали сигнала на выдвижение к берегу, вспоминая вчерашние аресты аристократов.

Все действия обороны Острова были отработаны много лет назад, ещё при первом наместнике Петре. Ежегодные учения стали привычкой, и это утро особого волнения участников обороны не вызвало. Слишком давно подобный сценарий был отработан и откатан в десятках вариантов.

Как только первые корабли ирландцев приблизились к береговой линии на пять вёрст, им навстречу выдвинулись пары торпедных катеров. С этих катеров, приблизившихся к нарушителям морской границы Новороссии на сотню-другую метров, в мегафоны было озвучено предложение лечь в дрейф для досмотра. Учитывая огромный численный перевес армии вторжения и соответствующие настроения среди ирландцев, уже вкушавших свои трофеи, в дрейф никто не собирался ложиться. Более того, добрая половина кораблей с Изумрудного острова огрызнулась выстрелами из пушек или ружей. Другие же сменили курс, оставив требования пограничников без внимания.

«Чего там рассусоливать, вот он, желанный и беззащитный берег. Попробуй нас на суше возьми!» – примерно так рассуждали, видимо, капитаны ирландских судов, стремясь высадить десанты, после чего можно и с пограничной стражей пообщаться, коли захотят.

Тем более что капитаны торпедных катеров, казалось, не торопились принимать решение. Они повторяли предложение о досмотре несколько раз, словно не замечая, что передовые судёнышки ирландцев уже в полуверсте от берега. Затем, почти одновременно, катера ошестинились крупнокалиберными пулемётами, которых на каждом торпедоносце было по два – на носу и на корме.

Многие капитаны Ирландии не сталкивались с таким оружием, пробивавшим насквозь все надстройки на палубе и борта. При попадании в человека крупнокалиберные пули просто отрывали руки-ноги либо вырывали куски мяса из тела. Раненых после подобных попаданий не оставалось.

Часть кораблей вторжения сразу потеряла ход, причем по многим причинам: разбитый пулями руль, убитые шкиперы либо брошенный руль и спрятавшиеся кормщики. Эти катера оставляли в покое, направляясь к самым упрямым, с которых короткими очередями сметали всё живое с палуб. В считанные минуты передовые судёнышки были обезглавлены, продолжая лишь по инерции двигаться на восток.

Торпедные катера и эсминцы разворачивались дальше на запад, чтобы встретить следующую волну десанта, в которую входили уже галеоны, каракки и прочие крупные корабли, немного отставшие от более быстрых корабликов. Эти гиганты, грозно возвышавшиеся над торпедными катерами, открывали ответный огонь сразу, не дожидаясь приближения пограничников. Наверняка капитаны были уверены, что отделаются минимальными потерями и при этом успеют добраться до берега.

Увы, их уверенность не оправдалась, торпедные катера и эсминцы перешли на более действенное оружие, давно испытанное и отработанное на секретных полигонах, один раз даже в Венеции, чему, правда, не осталось свидетелей. Да, именно торпедами, до сих пор оставав-

шимися достаточно секретным оружием, ударили пограничники по крупным галеонам и караккам.

Газотурбинные маломощные торпеды развивали скорость тридцать вёрст в час, при дальности в полверсты. Мощности взрывчатки вполне хватало для уверенного пролома полуметрового деревянного борта из морёного дуба. Учитывая, что все торпеды были выпущены с расстояния двести-триста метров, недостаточного для прицельного эффективного огня вражеской корабельной артиллерии, ни один из катеров и эсминцев не пострадал.

Своих целей торпеды на таком расстоянии достигали за полминуты, которой крупным и неповоротливым парусникам не хватало для изменения курса. Правда, пятая часть торпед всё равно прошла мимо целей, чтобы взорваться позднее, от самоликвидаторов. Тут сказались отсутствие боевого опыта большинства команд торпедоносцев. Зато полсотни самых крупных кораблей вторжения после попадания торпед безнадежно отстали, уверенно направляясь к ближайшей земле, а именно – на дно. Пока их коллеги-капитаны осмысливали случившееся, торпедные катера и эсминцы повторили заход, на сей раз с большей эффективностью. Уже шесть десятков кораблей потеряли ход и занялись спасением экипажа.

Когда торпедоносцы начали третий смертельный заход в атаку, капитаны фрегатов и галеонов лично бросились на ванты спускать паруса. Основная часть флота вторжения остановилась, признав своё поражение. Только после этого радистами была передана команда на берег, где корабли поддержки ждали своей очереди. Эсминцы и торпедные катера двинулись дальше на запад, громить отставшие корабли ирландцев, а флот поддержки занялся мародёрством и пленением неудачливых ирландских грабителей. Или, наоборот, удачливых, поскольку не ушли на дно вместе с напарниками, а остались в живых, хоть и в плену. Это с какой стороны посмотреть, как говорится.

В результате разгром флота вторжения занял менее трёх часов, а спасательная операция затянулась до темноты. Часть ирландцев успела добраться до берега, где их отловом занялись азартные ополченцы. Около полусотни судов ушли на север и высадились в королевстве скоттов. Туда пограничные катера не пошли.

Несмотря на расписанную как по нотам операцию, избежать потерь не удалось. Получили повреждения до десяти катеров и один эсминец, два десятка моряков погибли, почти сотня пограничников получила ранения. Среди нанятых моряков поддержки потери оказались больше, но с этим разбирались их капитаны и владельцы судов. Поскольку трофеи превысили любые ожидания, жалоб от привлечённых ополченцев и кораблей поддержки не было.

Только крупных судов типа галеонов было захвачено полторы сотни, да всякой плавающей мелочи свыше трёх сотен единиц. Все захваченные корабли после проверки выставались на продажу с преимущественной покупкой теми, кто корабль захватил. Учитывая, что цены устанавливало государство, предпочитая продавать в кредит, но не снижать стоимость трофеев, затраты на операцию и боеприпасы в целом окупились. Для этого хватило продажи захваченных кораблей, а тысячи единиц холодного оружия и сотни конфискованных ружей пошли на склады Новороссии. Что-то будет продано, что-то передано армии. Надо полагать, безопасники и военные найдут возможность использовать неликвидные трофеи с лучшим результатом.

Главным результатом конфликта стал захват сорока тысяч пленных ирландцев, исключительно моряков и дружинников, профессиональных бойцов и наёмников. Среди них оказалось много ирландских дворян и их наследников, потому безопасники активно включились в их разработку и вербовку. А рядовых ирландцев, по имеющемуся опыту, привлекли к строительству дорог с одновременным обучением русскому языку. После необходимой психологической обработки и освоения разговорного русского языка из ирландцев наместник планировал сформировать несколько пехотных полков. Моряки отправятся отрабатывать свободу на гражданский русский флот, а прочие уплывут в Африку или Азию, работать в колониях Новороссии.

Это была практика, наработанная и привычная для магаданцев, дающая возможность не только использования дополнительных рабочих рук. Таким образом, после изучения русского языка и освоения русского образа жизни многие бывшие пленники, вернувшись на родину, стали своеобразными агентами влияния Новороссии.

А как иначе? Если нормальный здоровый мужчина в плену, в чужой стране зарабатывал честным трудом или службой больше (!), чем будет получать у себя на родине якобы свободным человеком. Нормальному здоровому мужчине, привыкшему к бессловесному обществу Новороссии, когда человека ценят не за поколения предков, а по уму и труду, будет очень сложно вернуться обратно к феодальным отношениям. Туда, где надо будет кланяться и снимать шляпу перед любым дворянином, к праву первой ночи, к избранности дворянства и ничтожности простых людей. Туда, где эрл-земледелец всегда прав и может запороть насмерть своих слуг вместе с их семьями. То, что с детства впитывалось ирландскими фениями как данность, за годы плена в Новороссии, под влиянием навязчивой психологической обработки неизбежно претерпит коренные изменения.

Что касается пленных дворян-землевладельцев и нищих эрлов, с ними проводилась отдельная работа. Богатым, как принято, предлагалось выкупиться, не забывая об их психологической обработке, с целью создания образа Новороссии как рая земного и самого передового общества. За недолгие месяцы ожидания эрлы неизбежно станут восхищаться достижениями техники и культуры русов, а потом им предложат кредит под небольшой процент. Глядишь, через десяток лет большая часть влиятельных эрлов на Изумрудном острове так или иначе станет зависимой от Новороссии.

Ирландия останется независимой страной, со своими проблемами и нищетой, но как минимум нейтральной в отношении с ближайшим соседом. А прикормленные эрлы помогут открыть школы русского языка, проводить конкурсы по выявлению талантливой молодёжи с обучением победителей в Петербурге.

Дальше – больше, шахтёры и лесорубы, рыбаки и овцеводы неизбежно втянутся в поставки ресурсов на соседний Остров. После нескольких лет тесного сотрудничества Ирландия станет надёжным сырьевым придатком Новороссии, да и поставщиком трудовых ресурсов, уже обученных русскому языку. Причём без права проживания на Острове, они же все католики, которым по закону въезд на территорию Острова запрещён. Ну а кто примет православие – милости просим, ведь ирландцы – это не евреи и сицилийцы, мафию не создадут. Да, они – ближайшие соседи, с великой культурой и храбрым сердцем, таких лучше иметь союзниками, чем колонизировать как рабов.

Что касается нищих дворян-ирландцев, в зависимости от ситуации и личности им будет предложена свобода в обмен на право владения землями либо кредит в залог за их владения. После необходимого перевоспитания многие из них вернутся домой, чтобы проводить нужную Новороссии политику. Как-то так.

Что касается ожидаемой атаки скоттов, положение на северной границе, вопреки ожиданиям, оставалось спокойным всю субботу. В воскресенье также ни один отряд скоттов не потревожил спокойствия новоросских границ. А позднее разведчики сообщили, что разгром ирландского десанта вразумил горячие головы королевства, и намеченное вторжение не состоялось по общему и взаимному согласию.

Король и дворянство с ужасом вспоминали прошлую войну, лишившую королевство половины самых богатых налогоплательщиков и всей промышленности. Немногие ветераны прошлого похода с ужасом припомнили неуязвимые бронепоезда, уничтожившие армию вторжения за несколько дней. Если у кого-то была надежда на отвлечение русов ирландцами, так она исчезла. А драться на равных с могущественным соседом скотты не собирались, уже пробовали, хватит!

Глава третья

– Что скажешь, Николай Владимирович? – Петр Головлёв положил расшифровку радиogramмы на стол и пристально взглянул на старого друга.

– Думаю, справятся без нас. По крайней мере на Острове точно справятся. На материке можно не спешить, пусть вся шваль и гниль дворянская созреет. Уверен, при первых же слухах о нападении ирландцев и взрыве во дворце наместника все недовольные нашими порядками дворяне, эти герцоги, графы, бароны, князья, поднимут голову. Это же отлично! Жаль только погибших, хорошие мужики были, работяги честные.

Кожин вскочил с места и принялся расхаживать по комнате. В австралийской резиденции магаданцев, выстроенной в субтропиках, было прохладно, всё-таки зима в южном полушарии. Хотя камин в углу, совмещённый с печкой-голландкой, уже был растоплен, тепло только начало наполнять рабочий кабинет Головлёва. Старый сыщик подошёл к огромному окну, выходящему на берег океана, чтобы полюбоваться открывшимся видом.

Столица Югоруси город Волжск не насчитывал и двадцати тысяч населения. Однако городок вышел вполне промышленный: кроме двух кирпичных заводов и трёх лесопилок третий год выпускали продукцию стекольный завод и механический. На окраине высились трубы сталелитейного производства и кондитерской фабрики. В двадцати верстах выше по течению Новой Волги, возле гидроузла, работала гидроэлектростанция, мощности которой вполне хватало на городок и все производства. Что нравилось магаданцам, даже многочисленные котельные, работавшие на угле, не выпускали из своих труб дымных хвостов. С помощью фильтров ступенчатой очистки вредные выбросы купировались на 99,997 %, на уровне середины двадцатого века. Сточные воды проходили не менее сложную систему очистки, чтобы не разрушать экологию дельты. Магаданцы собирались жить здесь долго и счастливо, со своими внуками и правнуками, потому сохраняли природу максимально чистой и здоровой. Благо они могли себе это позволить, необходимости получения немедленных доходов не было.

На холмах вдоль побережья качали экологически чистое электричество ветряки, расходясь от города в обе стороны. А в самом посёлке высились красавицы церкви, белокаменные, с куполами, покрытыми сусальным золотом. Пока только четыре, по количеству полных прожитых лет на южном материке переселенцами. Но Кожин уже видел макет будущей городской застройки, где предполагалось выстроить двенадцать церквей и огромный кафедральный собор в центре жилого района.

Промышленные предприятия традиционно располагались на окраинах, с возможностью переноса при необходимости. Трамвайная линия работала второй год, количество машин, в том числе личных, доходило до одной на семью. Головлёв и Корнеев изначально делали ставку на технику, чтобы не развивать поголовье лошадей. Вообще на пятый материк животные завозились исключительно подконтрольно, чтобы избежать ошибок будущего. Никаких кроликов и овец. К счастью, и крысы пока не появились в Югоруси. Только коровы и лошади, даже собак и кошек биологи пока не пускали. Воспитанники Алевтины Сусековой обещали воспитать в качестве домашних животных представителей местной фауны. То ли сумчатых котов, то ли сумчатых собак, которых ещё не полностью истребили собаки динго.

Четыре года после отъезда из Европы старые магаданцы отдыхали и обустривались в Австралии. Название малого материка, конечно, придумали русское – Югорусь, ненавязчиво устанавливая право владения над всем материком. На побережье материка магаданцы заложили десяток городов и портов, в основном, естественно, на юго-восточной оконечности. В устье реки Новой Волги, она же несбывшийся Мюррей, выстроили крупный порт, по совместительству ставший столицей. Долго думали, как назвать, и остановились на Волжске. Название нейтральное и русское. Да и самого городка пока на Руси нет, бог даст, и не будет.

Впрочем, строительством и развитием промышленности занимались Головлёв и Корнеев, два ветерана, основавшие и построившие больше десяти городов в трёх странах. Оба друга великолепно умели работать вдвоём: пока Корнеев выбирал место для строительства производств с удобной логистикой, Головлёв прокладывал дороги и обеспечивал охрану. Пока Корнеев строил заводы, Головлёв занимался доставкой рабочих и созданием инфраструктуры посёлка. Когда заводы выдавали продукцию, у Головлёва уже была готова вся цепочка сбыта. Итак, пока Головлёв и Корнеев занимались развитием страны, интриган Кожин отпросился в командировку. Именно он со своими людьми два года устраивал резидентуры и торговые представительства во всех странах Юго-Восточной Азии. Наводил знакомства, вербовал агентов, заманивал купцов в Волжск, покупал землю под торговые представительства.

Несмотря на опытную команду и великолепный товар, пришлось постараться, чтобы втиснуться на богатые рынки Индокитая. В отличие от бедной Европы, с азартом расхватывавшей любые магаданские товары, азиаты жили богато. Прельстить их дешёвой синтетикой и кирзой не удалось, тканей хватало своих, а климат позволял ходить босиком круглый год. Также не пользовались спросом многие магаданские товары – бумага, сахар, консервы, ювелирные изделия. Впрочем, часть продукции удалось протолкнуть на плотный азиатский рынок. Например, первое оконное стекло Югоруси на две трети уходило на экспорт, в Бирму, Сиам, Аннам, где агенты Головлёва уже подготовили спрос. Затем удалось удачно пристроить стеклянную посуду и разноцветный стеклярус, цветные стеклянные бусы и бисер.

С пушками, отлитыми под средневековый дульно-зарядный образец, неожиданно вышел облом, никто их покупать не хотел. Воевали в Юго-Восточной Азии традиционно, неторопливо и дёшево, не нуждаясь в советах и указаниях чужестранцев. Попытки поставок ружей шли тяжело, не было примера их применения, и, соответственно, магараджи и султаны не хотели оснащать свои армии дорогой никчёмной игрушкой. Пришлось пробавляться ширпотребом, благо налаженное Корнеевым серийное производство металлических изделий дало возможность заняться продажей ножей, сабель, гвоздей, лопат и тяпок по демпинговым ценам.

Одним словом, Югорусь заняла на рынках Юго-Восточной Азии нишу недорогих изделий, ту самую, что в двадцать первом веке занимал Китай. Пока это позволяло получать небольшую, но постоянную прибыль, чтобы расплачиваться со строителями и рабочими. На том и успокоились Петро с Сергеем, решили не форсировать торговую экспансию в регионе, а заняться внутренними делами. Так что за четыре с лишним года Югорусь обзавелась самыми передовыми производствами современности, доставленными целыми комплексами из Новороссии.

Весь станочный парк был только на электрической тяге, сталь плавил в мартенах. К лету 7113 (1605) года на южном материке добывали свою железную руду, выплавляли железо и чугун, из которых производили не только дешёвый домашний инструмент. Были найдены и разработаны медные, титановые, цинковые, свинцовые, оловянные рудные выходы. Это позволило наладить производство двигателей внутреннего сгорания и электродвигателей, наряду с электрогенераторами.

Поставки натуральной гуттаперчи из соседней Азии подстегнули развитие резинового производства, дававшего километры изоляции для проводов, многочисленные резинотехнические изделия (изоляторы, прокладки и т. п.). Потому проблем с электричеством в городах не было, его производили сотни ветряков, десятки угольных теплоэлектростанций и пока лишь три небольшие гидроэлектростанции.

Так вот, электричества вполне хватило на производство, на бытовые нужды, да ещё осталось на выплавку алюминия. Да, с нового, 7113 года Югорусь начала производство алюминия в промышленных масштабах. Радиодетали и полупроводники производили уже два года, а производство стрелкового оружия и пушек, наряду с порохом и взрывчаткой, наладили в пер-

вый год высадки на пятом материке. Благо поставки селитры из Китая оказались сравнительно дешёвыми и массовыми, позволяя развернуть химические производства по полной программе.

Начинали с удобрений и бездымного пороха, нитрокрапок и лаков, целой линейки нитропродуктов. Далее – целлюлоза и, как следствие, её производные – вискоза, кирза, бумага, спирт, динамит и многое другое. Заканчивая крекингом нефти, доставляемой от соседей из Индонезии, с выходом бензина, керосина и солярки. Всё это производили в Югоруси серийно и недорого. К сожалению, обувь из кирзы и одежда из вискозы в серию не пошла, так как не хватало рабочих рук. На швейных и обувных машинках, завезённых из Новороссии сотнями, несмотря на дешевизну и обилие материала, просто некому было работать.

Зато с продуктами всё было отлично, так как посеы пшеницы, кукурузы, гречки, посадки картофеля и сахарного тростника давали изумительные урожаи. Дело было не только в нетронутых пахотой землях и грамотном севообороте с осторожным использованием удобрений.

Основной причиной больших урожаев стали новые выведенные сорта. За двадцать лет селекционной работы воспитанники Алевтины Сусековой под Королевцем вывели более сотни новых сортов почти всех злаков, картофеля и сахарной свеклы. Тем более что пахали, сеяли и убирали урожай в Югоруси исключительно на технике. Завезённой полусотни тракторов вполне хватало для обеспечения небольшой колонии своим зерном и картофелем, ну а рис закупали у соседей. Многочисленные тропические острова и два судна-рефрижератора на дизельном ходу обеспечивали жителей любыми местными фруктами. Холодильники на основе аммиачного охлаждающего реагента освоили ещё лет десять назад в Новороссии, на Острове, и завезли в Югорусь едва ли не первыми рейсами.

Животноводство, по настоянию биологов, находилось в зачаточном состоянии, хватало подстреленной кенгурятины и выловленных крокодилов. Зато рыба и морепродукты радовали отличными уловами, это позволило год назад открыть свою консервную фабрику на пятом материке. Так что с продовольственной безопасностью в Югоруси всё нормально, но, как обычно, не хватало рабочих рук. На всей территории материка, с учётом детей, не набиралось и полусотни тысяч русов. Сколько в лесах бродит аборигенов, никто не считал, оценки расходились от ста тысяч до миллиона. Помощи пока от них не было никакой, даже к добыче руды их привлечь не удалось. Хорошо хоть, не воевали аборигены против русов, жили мирно.

Итак, пока Головлёв и Корнеев занимались развитием страны, интриган Кожин работал за границей, на выезде. Работы хватало, интересной, привычной, полезной. Убедившись, что многочисленные соседние страны и княжества надёжно прикрыты агентурой, а торговые представительства работают активно, Кожин отправился в Европу.

При появлении данных о голоде на Руси именно Кожин срочно отбыл туда, в Москву, где и работал два с половиной года. В статусе полномочного представителя союзной с Русью Новороссии старому сыщику работать оказалось гораздо легче, чем годы назад. Зная о хороших отношениях царя к русам-магаданцам, не всякий боярин рисковал спорить с людьми Кожина. Впрочем, Николай был достаточно опытным интриганом, чтобы избегать возможных конфликтов с властью предрежащими.

С адекватными людьми он давно поддерживал дружеские отношения, помогая им передовой техникой и обучением мастеров. С глупыми и жадными боярами, коих на Руси никогда не станет меньше, магаданец действовал прямым подкупом, благо средств для этого хватало, а сувениров из Азии и Югоруси он привёз полный корабль.

Теперь, на пике своего могущества, Новороссия имела возможность задействовать любые ресурсы, вплоть до физического устранения особо рьяных негодяев. Хотя к подобным методам прибегали крайне редко, но слишком высока была цена, о которой знали магаданцы, – Смута, смена династии и долгие годы войн, вплоть до распада России. Потому в крайних случаях

Кожин и его люди предпочитали действовать жёстко и быстро, пресекая любые панические слухи и настроения.

Не зря к этим неурожайным годам, в реальной истории предшествовавшим Смуте, готовились магаданцы больше десяти лет, потому и справились успешно. Удалось избежать массовых бунтов и голода в городах, своевременно и правильно распределяя запасы зерна и консервов, в том числе с помощью информации от лекарей – воспитанников супругов Кочневых. Неплохо помогли царские дьяки, многие из которых прошли обучение в Королевце и честно служили Руси. Да и царь Иван Пятый, получивший к этому времени достаточный опыт работы с боярством, здорово прижал мздоимцев и паникёров.

Впрочем, последняя война в Европе сильно изменила расстановку фигур на континенте. У Руси не осталось враждебных соседей с запада, там она граничила с союзными государствами – православной Швецией, православным Западным Магаданом, православной Южно-Польской империей и несоюзной Турцией, находящейся под строгим присмотром Новороссии. Потому привыкшим продаваться боярам, или, как говорили, «получать пенсион» от иностранных агентов, практически некуда было податься.

Турция сама имела огромные проблемы от агрессивных западных и южных соседей, теряя доходы и территории, у неё не было возможности давать взятки ещё и русским боярам, так как просто не хватало денег. Священная Римская империя тоже находилась в финансовом кризисе, ну а других крупных игроков после гибели Ватикана в Европе не осталось.

Хотя нет, были Испания и Генуя, остатки Франции и Папская область, но им не было никакого дела до далёкой Руси. Русским боярам просто некому было продаваться, поэтому Новороссия и Западный Магадан активно прикормили за двадцать лет нужных людей, да и конкурентов устраняли быстро и решительно. Потому и удалось справиться с голодом, что никто не вмешивался из-за границы.

Две трети крестьян из неурожайных регионов при первых признаках повального голода с помощью царских властей переселились на Алтай и Северное Причерноморье, на богатые чернозёмы. Напуганные голодом и массовым исходом крестьян на вольные земли бояре и помещики заметно снизили крепостное давление на арендаторов. А после расширения Юрьева дня до нескольких в течение года крестьяне окончательно закрепили за собой статус вольных арендаторов, а не крепостных холопов. И царь Иоанн Пятый Иоаннович, которому магаданцы достаточно долго объясняли пользу свободных людей для государства, в таком же духе воспитывал наследника. У Руси появилась возможность избежать крепостного права, активно становясь на буржуазно-промышленный путь развития уже с начала семнадцатого века.

Под шумок и Новороссия перетянула к себе почти сто тысяч молодых парней и девушек, десять тысяч из них перевезли на пятый материк. А молодой царь Руси Иоанн Иоаннович за три неурожайных года с помощью дешёвой рабочей силы, готовой работать за кормёжку, протянул-таки чугунку от Москвы через Тулу и Курск до Азова. Почти готова была вторая чугунка от Архангельска до столицы, а паровозы от Москвы до Риги ходили третий год.

Да, именно паровозы лет пять назад начали выпускать в Берлове (бывшем Берлине), так как с нефтью на Руси негусто, а дрова и уголь – в изобилии, воды – вдоволь. Потому и появился спецзаказ для Руси – недорогие паровозы, максимально простые в обслуживании и надёжные. Выпускали их малой серией, из унифицированных с тепловозами деталей, что давало вполне подъёмную цену. А ремонтную базу, с подачи Кожина, организовали на Руси, в Туле и Курске. Бог даст, через пяток лет можно туда и производство перевести, когда свои кадры подрастут.

Потому и вернулся в Югорусь Кожин совсем недавно, не прошло и полугода. По дороге не забыл освежить старые связи в Европе, узнать свежие новости и запустить необходимые слухи. Едва успел обжиться с дороги, как пришли неприятные новости из Петербурга о выявленных бунтовщиках и предстоящем нападении Ирландии и Скоттии. Хотя почему неприят-

ные? Старый сыщик всегда искал возможность повернуть неприятности к своей выгоде. В чём же выгода сейчас, особенно для Югоруси?

Кожин смотрел сквозь оконное стекло на городок в устье Новой Волги и видел перед собой сотни кораблей, плывущих к побережью Острова. Видел сотни семей бунтовщиков, приговорённых к высылке, кого – в джунгли Африки, кого – на побережье Гренландии. Иначе нельзя. А почему?

– Иваныч, что мы можем предложить Петербургу? У них скоро будет несколько тысяч семей бунтовщиков для высылки и не меньше тридцати тысяч пленных ирландцев. Семьи у нас приживутся неплохо, а ирландцев можно тоже припахать, на Тасманию или Новую Зеландию. Тьфу ты, как их сейчас называют?

– Тасманию – Опричью, она напротив нас лежит, опричь то есть. А Новую Зеландию – Большим и Малым Сапогом. Это парни карту мою увидели и сразу придумали. – Петро улыбнулся, вспоминая крики и хохот своих молодых помощников. – Говоришь, тридцать тысяч ирландцев? Лет через пять они все уедут, когда плен отработают. Так какой смысл их на пятилетку брать?

– Куда уедут? В нищету ирландскую? Через пять лет у каждого здесь будут свой дом и налаженный достаток. Они сами по десятку родственников привезут. Другой вопрос, что с католичеством быстро не расстанутся, это точно.

– Так у нас не Остров, католиков пускать можно, лишь бы не мусульман и протестантов, а костёлы строить не разрешим, да и в избирательных правах урежем. Захотят выдвинуться – примут православие. Не захотят? Всё равно обрусееют за пару веков. – Головлёв улыбнулся и продолжил: – И у нас есть что предложить Петербургу за прибывших ирландцев и ссыльные семьи. Очень даже есть. Товар редкий и ценный: листья и масло эвкалипта, листья и масло дерева гинкго, ещё почти сотня местных растений, животных и насекомых, не считая тысячи тонн фруктов в рефрижераторах и редких консервов. Уверен, что Валентин согласится принять всё в качестве аванса. А по остальной оплате договоримся как-нибудь. На прошлой неделе геологи вроде нашли золотые выходы, с валютой будет лучше, сможем рабочим платить. Хоть сто тысяч душ дополнительно привезём.

– Тогда подумай о континенте. Если мы поможем спровоцировать большую войну против Новороссии и Западного Магадана? Какие территории выгодно захватить, что отдать Руси и Королевцу? Шведы, как я тебе говорил, последние годы обиду копят, мало им денег и власти в Европе. Хотят Данию подмять и нас потеснить. Австрияки добра не помнят, новые генералы подросли. Не считая всякой шушеры вроде Швейцарии, Венеции, Генуи. – Николай уселся на своё место и налил стакан кваса. Отпил добрую половину, вздохнул довольным и вернул стакан на стол. – Давай прикинем, стоит ли затевать это в Европе сейчас, или необходимо подождать. Если стоит, то уточним наши планы, и я отплываю туда. Пока живы, надо успеть замирить Новороссию и её соседей, чтобы лет сорок никто кукарекать не мог.

– Да, годы идут. Сколько нам было, когда сюда попали? Тридцать четыре? Так мы уже здесь больше прожили, тридцать шестой год идёт. Скоро семьдесят стукнет. Ты прав, надо торопиться. – Петро задумчиво посмотрел на окно, сквозь которое виднелись кучевые облака, спешившие принести дожди на север, в глубь материка. Затем перевёл взгляд на языки пламени, неторопливо пожиравшие чурбачки дров в камине. – Поэтому, уверен, никому из нас в Европу плыть не надо. И каждый шаг молодёжи не контролировать. Пусть работают сами, набираются опыта и уверенности. Пусть ошибаются, набивают шишки, но это их опыт, им учить своих внуков, им держать Европу в кулаке. Ты составь короткий план к завтраму, ну а я свой подготовлю. Покумекаем, как лучше поступить, да отправим Никите с Валентином наши наброски. Чай, Валя не глупее нас, объяснит сыну мелочи. А работают пускай сами.

– Изведёмся здесь, пока они работать будут, – ухмыльнулся Николай, мятежная душа. – Елена Александровна опять в панику впадёт, будет меня к себе вызывать по три раза в день.

– А ты предложи ей и подругам политическое убежище в случае поражения, в своём поместье, на берегу Новой Волги, – криво усмехнулся Петро, недолголюбивавший бывших учительниц, с маразматической самоуверенностью считавших своё мнение единственно правильным.

Как говорил кто-то в старом добром фильме «Большая перемена»: «Деточка, не спорьте с учителем, учитель всегда прав». Так и Чистова со своими подругами пронесла через всю жизнь уверенность, что учитель всегда прав. Даже в тех вопросах, где она ничего не соображала.

– Тогда она первая пойдёт на передовую с гранатой в руке, лишь бы тебя не увидеть, – хохотнул старый сыщик, не испытывавший никаких комплексов по тому поводу, что его подружка ненавидит его ближайшего друга.

– Значит, договорились! Европу оставляем молодёжи, а сами активно перейдём к Индокитаю, Китаю и Японии. Пора, накопили резервов, – подытожил Петро, направляясь к камину, чтобы пошевелить кочергой угли.

* * *

– Благодарю вас, Акира-сан, – майор поклонился гостю, проводил его до двери и распрощался, наблюдая в окно, как невысокий японец под морозящим дождём неторопливо уходит по дороге на юг.

Три самурая-телохранителя провожали своего господина, почтительно в трёх шагах позади. Трёхдневные переговоры русов с представителем клана Тайра, представлявшим интересы японского императора, закончились ожидаемым соглашением. Древнейший японский клан на острове Хонсю согласился с предложениями майора Лютова.

«А куда им было деваться?» – спросил сам себя Фёдор Лютов, вспоминая всё, чего добились русы за четыре года проживания на Дальнем Востоке.

Он вернулся от окна к своему креслу возле камина, налил себе свежего чая в любимую большую кружку, наплевав на ритуальные чайные чашки, расставленные для ушедшего гостя. Бросив в напиток ломтик лимона, майор добавил туда ещё и водки, создавая подобие казачьего чая, которому научился у знакомых казаков. Только они использовали вместо водки крепкое вино или коньяк, но этих ингредиентов у Фёдора не было. Он щедро бросил в кружку три куска сахара-рафинада, щепотку корицы, чем и ограничился. Затем уселся в кресло, вытянул ноги к камину (несмотря на тёплую погоду, в комнате от сырости было прохладно) и сделал пару глотков сотворённого напитка.

– Хорошо, – выдохнул мужчина, прислушиваясь к согревающему воздействию чая, снимавшему своим внутренним жаром напряжение переговоров. – Душевно.

Десять минут майор наслаждался чаем, любуясь языками пламени в камине. Взгляд машинально перебежал на стены свежестроенного дома, в лучших традициях русской рубленой избы. На случай землетрясения дома на островах русы ставили из одного этажа, зато с камином в кабинете и русской печью на остальную жилую часть. Хотя и субтропики, но зимой сыровато от близкого моря.

За окнами раздался колокольный звон, зовущий к вечерней службе, но уставший майор позволил себе пропустить посещение православной небольшой церкви, первой в Киото, ставшем приграничным городом северной русской части острова Хонсю. Бог простит пропуск молебна за достигнутое сегодня соглашение, приносящее долгожданный мир между остатками японского государства и дальневосточным форпостом Новороссии.

Не сказать, что так уж нужен был мир для самих русов, но частые стычки с отрядами Токугавы Иэясу, контролировавшего две трети японских кланов острова Хонсю, отвлекали от дела. А дел у команды Фёдора Лютова было через край, как говорится. За неполные пять лет Лютов выстроил четыре острога на бывшем острове Ясу, не забывая регулярно навещать каза-

ков на материке. Его корабли трижды успели сходить в Новороссию, доставляя оттуда оружие и боеприпасы, за которые казаки расплачивались дарами Востока, как редкими растениями вроде женьшеня, так и трофеями. Вплоть до солёной красной рыбы, икры, пушнины и всего, что могли предложить.

За эти годы казаки вполне освоили тактику применения скорострельного оружия и пушек. И без того подавляющее превосходство казачьих отрядов перед местными племенами стало абсолютным. Ещё в реальной истории семнадцатого века русские казачьи отряды в пару сотен бойцов в осаде успешно противостояли пятидесяти тысяч маньчжурским армиям, вооружённым пушками. А ныне казаки стали на Дальнем Востоке непобедимыми, как в осаде, так и в наступлении, и количество войск противника не имело значения.

С магаданским оружием казаки разгоняли многотысячные армии ханьцев и маньчжур практически без потерь. После согласования с магаданцами совместных действий на материке Иван Кольцо действовал честно. Тем более при получении обещанных боеприпасов за вполне терпимую цену. За четыре года атаман развернулся широко, казаки не только выстроили два острога – Находку и Владивосток, как договаривались.

По выражению Николая Кожина, казаки шли с перевыполнением плана, особенно в последние два года, когда на Дальний Восток добрались почти пять сотен горячих донских и яицких казаков, поверивших в слова атамана Кольцо о лёгком богатстве. Да пообещали вызвать ещё столько же, если дела пойдут нормально и честно, как и обещал Кольцо. Благо радиосвязь работала исправно, и новости с Дальнего Востока давно регулярно поступали не только в Петербург, но и в Москву. Царь Иван тоже обещал отправлять на берега Тихого океана охотников, но, как известно, на Руси ничего быстро не решается.

Эти молодцы так завели атамана, что Иван Кольцо потрянул стариной, оставил остроги на ветеранов, а с молодыми и рьяными самолично двинулся на юг. С ходу захватил пять городков на севере Кореи, которые присоединил к Руси, посадил свои гарнизоны. Год ждал ответного похода корейцев для возвращения захваченной области, собрал там богатейший ясак, который полностью отправил в Москву.

Себя с молодцами тоже не обделил Иван, разграбил ещё пять корейских и четыре китайских пограничных городка, трофеи богатые взял, куда там ясаку собранному. Но, к своему удивлению, не дождался атамана никакой реакции корейского царя-вана. К тому времени Кольцо уже знал, что Корея только вышла из семилетней войны против японского ига, войны страшной и разорительной. Поэтому нет у вана добрых войск и денег, чтобы воевать ещё против казаков, запугавших всех аборигенов своими ружьями скорострельными.

Хотел Иван Кольцо посольство казачье к вану направить, заключить мир от имени Руси с Кореей, границу провести между странами. Да отговорили его новые друзья-корейцы, объяснили казаку, что до самого вана никого из посольства казачьего не допустят, не по чину. В лучшем случае мелкий чиновник удостоит встречи, по-русски – дьяк, а в худшем случае сгноят в яме казаков или голову срубят как чужакам, оскорбившим вана. Не стал рисковать атаман своими товарищами, плюнул на Корею да и отправился на запад, ставить границу по реке Сунгари с ханьцами, как Лютов советовал.

Правда, захваченные городки корейские от ясака не освободил. Понравились казакам молодые корейки, как и корейцы деревенские, крепкие, многие из них крестились в православие, в казаки просились. А границу Руси и Кореи казаки провели южнее крупного порта Чхонджин, приносящего неплохую прибыль. Да и дополнительный незамерзающий порт Руси пригодится, смекнул хозяйственный Иван Кольцо, устраивая там свою постоянную резиденцию.

За прошедший год казаки выстроили на Сунгари четыре острога, коими границу с ханьцами накрепко держали. Не просто держали, а всю империю ханьскую запугали, как и соседей-маньчжуров. Отбили все атаки ханьцев и маньчжуров на свои крепости, да сами два раза

сходили «за зипунами» в гости к соседям. Два десятка корейцев, что крестились и с казаками ходили в набег, при возвращении удивили своих земляков богатой добычей, взятой казаками у ханьцев, и отсутствием потерь со стороны казаков. После этого казачьи отряды в Корею и на Сунгари вдвое выросли за счёт корейцев, принявших православие.

Бежали бедняки из Кореи к казакам в надежде на вольную и, главное, сытную жизнь сотнями. Учитывая постоянный приток новых казачьих отрядов с Дона и Яика, регулярные поставки оружия и боеприпасов из Новороссии, корейских и даурских добровольцев, Русь крепко утвердилась на Дальнем Востоке. Более того, первые русские купцы уже добрались морским путём в казачью столицу, порт Чхонджин. Учитывая, что русские купцы второе десятилетие ходили на кораблях в Южную Африку, Дальний Восток оказался вполне достижимым для нынешней Руси не только по суше, но и по морю.

Несколько иначе выглядели успехи отряда Фёдора Лютова, трудившегося все эти годы для блага Новороссии на Японских островах. Русам достались отвратительные союзники-айны и жестокие враги-японцы. Причём основные проблемы возникали из-за айнов, разделённых на многочисленные племена и княжества, с застарелыми обидами и счётами друг к другу.

Два года ушли у русов, чтобы навести относительный порядок на северном острове Ясу (Хоккайдо), переименованном в остров Туманный. Там японцев не было совсем, но пришлось серьёзно поработать с князьками и старейшинами айнов. В ход шли приёмы русских казаков вроде взятия заложников-аманатов, опыт усмирения индусов и арабов в предыдущих войнах, да и просто подкуп с запугиванием. Здорово помогали миссионеры, нашедшие в языческих мифах айнов прямое указание на их родство с русами. Не упустили офицеры Лютова возможности набрать айнскую молодёжь в армию под предлогом предстоящей войны с японцами, где можно совершить не только подвиг, но и хорошо заработать. Нищий, в целом, народ на острове жил и доверчивый.

Пока строили остроги на острове Туманном, пока замиряли айнов, Лютов не мог ждать, так как отсутствие результатов изводило. Тем более на фоне успешных действий казаков на материке. Фёдор был человеком напористым и смелым, не привык уступать. С одной ротой своих бойцов он высадился на острове Цусима, где за пару месяцев наголову разгромил отряды местных князьков. Полностью уничтожать местную власть Фёдор не стал, ограничившись захватом аманатов (заложников) и принятием вассальной клятвы. Но данью обложил островных князьков внушительной, не только в денежном выражении.

Цусимцы обязались отправлять сотню юношей и девушек ежегодно для работы и обучения в Новороссии сроком на пять лет. Не считая размещения на острове гарнизона русов, подкреплённого пополнением из Северной Индии. Только тогда Лютов смог вернуться на остров Туманный и продолжить работу с айнами, долгую и нудную, но необходимую.

Одним словом, лишь через два года высадились русы, усиленные батальоном айнов, на соседний остров Хонсю. Здесь дело пошло веселее, южные племена айнов уже сталкивались с японскими отрядами, прославившимися тотальным истреблением всех мужчин-айнов. Айны воевали против японцев на острове Хонсю несколько столетий, постепенно отступая на север.

При появлении новых сильных союзников, показательно разгромивших несколько японских отрядов, всего за полгода подавляющее большинство айнских родов и селений пошло под руку Новороссии. Три корабля русов к этому времени ограбили полсотни китайских и японских купеческих судов, поставляя русским сухопутным войскам продукты, одежду и некоторые излишества. Самоходные корабли и скорострельные пушки русов совершенно дезорганизовали морскую торговлю в Жёлтом, Восточно-Китайском и Японском морях, до полного прекращения мореплавания. Ибо даже рыболовецкие шхуны китайцев и японцев быстро становились призами русских кораблей, пополняя русский рыболовный флот.

При таких обстоятельствах лишь редкие испанские и португальские корабли рисковали добираться до Японии и Китая, радуясь дружественным отношениям с Новороссией. Сами

руссы два года потратили на попытки установления дипломатических и торговых отношений со Страной утренней свежести, как называют Корею, но ничего не добились. Все многочисленные послания, письма, подарки, направленные официальным властям Кореи Фёдором Лютовым, не привели ни к каким результатам. Просто ни к каким, даже отрицательным. Руссы игнорировали самым невозмутимым образом. А попытки торговать в корейских портах, даже просто зайти в порт и высадиться там с кораблей, пресекались, вплоть до выстрелов из пушек.

Столкнувшись с ярко выраженным нежеланием корейцев вести равноправные переговоры о сотрудничестве, руссы не стали вести себя, как казаки атамана Кольцо. Никаких антикорейских действий руссы демонстративно не допускали, так как руководство Новороссии нуждалось в союзнике на Дальнем Востоке. Однако в отношении Китая подобных запретов не было, потому с уменьшением судоходства в дальневосточных морях руссы перешли к прямым нападениям на китайское побережье.

Новороссийские корабли не только ограбили богатейшие порты Циндао и Ханчжоу, где захватили фантастическую добычу. Русские капитаны наладили связи с южнокитайскими инсургентами, давно мечтавшими о независимости от Пекина. Теперь корабли с оружием и боеприпасами из Волжска шли не только в Чхонджин, Находку или острог Восточный на острове Хонсю, но и в южнокитайские порты. А инструкторы-руссы усиленно тренировали молодых ханьцев, учили обращаться с ружьями, а также приёмам победоносной войны. Самым удачным итогом подобных тренировок стало участие двух тысяч китайских инсургентов в боевых действиях против извечных врагов – японцев на острове Хонсю.

Когда к войскам руссов, захватившим север острова Хонсю, добавились две тысячи китайцев, их количество фактически утроилось. Кроме того, японцы, вынужденные терпеть поражение за поражением от извечных противников – ханьцев, резко упали духом. Отряды самураев бросались в самоубийственные атаки, надеясь ввязаться в рукопашную с проклятыми ханьцами, но даже не доходили до своих врагов, расстреливаемые на расстоянии из ружей. В свою очередь, в отличие от индусов и руссов, китайцы ненавидели японцев, уничтожая их при каждом удобном случае. Так сказать, делали им обратку за геноцид айнов. А Лютов и его командиры, насмотревшиеся на подвиги самих самураев в отношении простых людей, рубивших головы простолюдинам без особых причин сплошь и рядом, не пытались остановить китайских товарищей.

Потому, спустя два месяца после привлечения ханьцев к боевым действиям на острове Хонсю, отступление японцев превратилось в повальное бегство, когда наступающие отряды руссов продвигались по сорок-пятьдесят вёрст в день в условиях бездорожья и пеших переходов. При этом дворянские поместья стояли брошенными или сожженными, только нищие крестьяне равнодушно ждали своей участи. Что характерно, этих забитых крестьян ханьцы не трогали, не считая их достойными врагами.

Только на подступах к Киото трёхтысячный отряд Фёдора Лютова, наконец, встретил собравшуюся армию сёгуна. По разным оценкам, японцы нагнали от ста пятидесяти тысяч до двух сотен тысяч войска. Видимо, собирались дать решительный бой агрессору на берегах озера Бива. Чтобы руссы не обошли армию сёгуна, согнанные со всей округи крестьяне вырыли вокруг столицы настоящую оборонительную линию из рва и насыпи, утыканых частоколом. Когда разведка донесла о приготовлениях, Лютов едва не отказался от дальнейшего продвижения. Но почти три года войны с айнами и японцами дали необходимый опыт, его отряд лишь замедлил движение, усиленно подтягивая тылы и боеприпасы.

Дополнительно с прибывших на побережье кораблей были демонтированы и доставлены на берег три четверти орудий с боезапасом. Благо боеприпасов было в достатке, оружейная фабрика в Волжске всё равно не имела иного рынка сбыта, кроме как своим отрядам и казакам. Из привезённых четыре года назад сотни орудий почти три десятка давно вышли из строя, расстреляв стволы. По пять орудий остались на приданных кораблях, да в каждом остроге

не меньше пяти пушек установили. К счастью, Пётр Головлёв не забывал отправлять Лютову новые, модернизированные гаубицы именно для работы на суше. В результате к озеру Бива армия русов имела в своём составе три тысячи пехотинцев, четыре десятка старых пушек, тридцать новых гаубиц с дальностью стрельбы семь вёрст, двенадцать морских орудий с дальностью стрельбы шесть вёрст.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.